

Кирилл
Филонов

ИЛЛЮЗИЯ ЖИЗНИ

Повесть

1

Учитель из Наро-Фоминска Людмила Понарина давно мечтала перебраться в Москву. В столице жила мама – Софья Петровна, которая звала родную дочь к себе. Но, главное, в Москве больше платили, профессия педагога ценилась.

Софья Петровна вышла на пенсию в две тысячи первом году и через два года помогла дочери устроиться в простую общеобразовательную московскую школу, где сама преподавала тридцать шесть лет. Новый директор, человек взбалмошный, нехотя принял Людмилу. Конечно, руководству трудно было отказать бывшему своему работнику, к тому же заслуженному учителю. Софья Петровна уверяла дочь, что та будет получать хорошую зарплату и её возьмут на ставку. Встретили Понарину в новом коллективе с прохладцей, за глаза называя «протеже» и «наперсницей» директора. Хотя часов дали мало, и Людмила получала мизерную по московским меркам зарплату, которая ничем не отличалась от зарплаты в Наро-Фоминске. Возвращаться обратно в Подмосковьё не хотелось, к тому же в старой школе ходили слухи, что мать выхлопотала для дочери должность завуча. Расстроенная нехваткой денег, Люда решила заниматься репетиторством на дому – консультациями по математике и подготовкой к поступлению в вузы.

Семья Понариных – преподаватели уже не в первом поколении. До пенсии Софья Петровна учила детей русскому языку и литературе. Отец Людмилы после института работал вместе с женой в одной школе, но последние годы жизни Виктор Альбертович Понарин посвятил науке, перешел на кафедру математики в Московский институт естественных наук, занимался исследованиями – изучал софизмы и парадоксы. Он оставил после себя множество тетрадей, дневниковых записей и методичек, посвященных этой сложной теме.

Родители Виктора Альбертовича тоже были преподавателями в одном из московских институтов, а дед служил директором технического училища ещё в императорские времена. Вспоминая своего отца, твёрдого в своих взглядах коммуниста, Виктор Альбертович говорил, что Альберт Борисович очень переживал потерю ноги. На войне, недалеко от Пярну, в 1944 году дед Люды попал в госпиталь с тяжёлым осколочным ранением. Правую ногу ампутировали. Понарин шутил, рассказывая о своём отце-фронтовике: «Я сын конца

войны, родился в сорок шестом году, в январе. Получается, папка заделал меня под звуки салюта Победы! Молодец! Правду говорят, что нога в этом деле не главное!»

Всю жизнь Виктор равнялся на отца. Он старался осмысленно прожить свой век, как и Альберт Борисович, служил просвещению. Только не всегда любил свою работу Виктор. Последние годы преподавания в школе казались ему сущим наказанием. Понарин терпеть не мог огромные пачки тетрадей, которые приходилось носить домой. Проверка бесконечных контрольных, самостоятельных и домашних работ превратилась в настоящую каторгу. Тетради отнимали время. Семьёй заниматься было попросту некогда, и Виктор Альбертович с удовольствием согласился на предложение бывшего коллеги о переходе в математический институт.

Люда отчетливо помнила голос папы, умный взгляд его карих глаз, ровный пробор на голове, седые волосы, аккуратную строгую одежду, тонкую, изящную фигуру и прямую осанку. Потомственный интеллигент, Виктор Альбертович не трясся над каждой копеечкой. Средств всегда не хватало, но для любимой дочери он делал всё возможное, чтобы ребенок ни в чем не нуждался. В школе отец ещё хоть что-то получал, но на кафедре не самого престижного вуза столицы зарплаты были смешные. Софья Петровна недовольно молчала и лишь тяжело вздыхала, видя, как муж, отсчитывая сторублёвки, смущённо откладывает часть зарплаты, чтобы купить для Люды красивые джинсы, кроссовки и футболки. Его дочь должна одеваться по моде – так считал Виктор Альбертович. В такие минуты мать уходила на кухню. Назло всем невздам и сложностям она пекла сладкие пироги с малиной по выходным дням, радуя своих домочадцев. Своего Витюшеньку Софья Петровна не упрекала, понимая, что для математика его исследования важнее любой прибыли.

В семье учителей единственная дочь Люда росла малообщительным ребёнком. Родителям было некогда заниматься девочкой. Дедушек и бабушек давно не было в живых. Бабушка по отцовской линии умерла гораздо раньше деда-фронтовика, а со стороны Софьи Петровны дедушка оставил жену задолго до появления на свет Люды. Свою бабушку по маме Людмила помнила смутно. Знала лишь, что Анастасия Поликарповна жила в Москве, была учителем биологии в простой школе, а её бывший муж к образованию отношения не имел, и куда уехал, никто в их семье не знал.

Людмила часто вспоминала, как Софья Петровна приходила с работы и, наскоро приготовив ужин, торопливо садилась проверять тетради учеников, делать наглядные пособия, вырезать и клеить. На Люду времени не было. Виктор Альбертович возмущался, когда жена за что-то ругала дочку, хотя осознавал, что ребёнок в учительской семье – обуза. Соседи подсмеивались над Понаринными, видя, как девочка целыми днями предоставлена сама себе. Люда гуляла во дворе, но почти ни с кем не общалась. Даже во время отпуска родителей девочка не ходила на кружки рисования или танцев, а только лишь часами одиноко копошилась в песочнице, играя сама с собой. Люда строила песочные замки, и когда другие дети пытались присоединиться, она ломала свои постройки и уходила домой, где папа и мама, как обычно, сидели за книгами.

Когда Людмиле было лет пять или шесть, произошло странное событие. Людочка осталась в песочнице с девочкой из соседнего подъезда. Софья Петровна ушла в гастроном и задержалась в очереди, а когда вернулась во двор – увидела

свою дочь плачущей. Люду ругала мама той соседской девочки. «Вы представляете, – возмущенно говорила женщина, от волнения бурно жестикулируя, – наши дети играли, я приглядывала за ними, как вдруг ваша Люда начала отбирать у моей дочери игрушки и от злости убила голубя! Бедный, он подошел близко, а она как ударит лопаткой! А потом била и била ведёрком! Ещё живую птицу закопала в песочнице!» Софье Петровне пришлось извиниться перед женщиной и торопливо увести дочь домой. Родители ругали Люду, пытались выяснить причину её странного поведения. На вопросы Людмила не отвечала – только плакала. Во дворе поползли слухи, что дочь у Понариных неуравновешенная, психически нездоровая девочка.

Окончив педагогический, Люда уехала работать в Наро-Фоминск, подальше от не понимавшей её матери, которая постоянно обрушивалась на дочь с тирадами: то Людмила носит вульгарные платья, то общается со странными компаниями, то подружки у Люды матерятся, как базарные торговки.

Поначалу Людмила старалась привить своим ученикам любовь к математике. Правда, в последние годы всё изменилось. То ли в ней самой что-то надломилось, то ли произошли перемены вокруг. Разнузданные старшеклассники огрызались и хамили. Школьникам стали нужны в лучшем случае лишь аттестаты, а в худшем – не нужно вовсе ничего. Становилось горько, учительница срывалась, и в журнале появлялась колонка двоек. Получил «неуд» какой-нибудь Рожков, Пашков или Пушков – и бог с ним! Не слушают, глядят в дорогие смартфоны – и пусть. Понарина испытывала наслаждение, когда ставила двойки. Надменные и наглые ученики становились кроткими паиньками, стоило Людмиле протянуть руку к журналу. Как оправдывались перед завучем и директором подавленные родители! Понарина специально вызывала их в школу, чтобы тем стало стыдно за своих чад, спорящих, ругающихся с ней – преподавателем математики. «Учитель всегда прав!» – так воспитывали Людмилу родители. По-другому быть не может! Учитель должен внушать как минимум трепет! Разве испытывают все эти Пупкины страх? Ничего подобного! Даже их родители, уткнувшиеся взглядом в пол, терпеть не могут ЕЁ – учителя. Только ОНА имеет право указать им на недостатки в воспитании их сына или доченьки. Только ОНА имеет право высказать родителям (таким же в прошлом двоечникам, как их детки), что они горько заплатят за поведение своих детушек. Они захлебнутся в двойках, как в грязной воде, утонут в них, как в болоте! У их деток не будет ни образования, ни хорошей работы, ни богатства – ничего, если ОНА, Людмила Викторовна Понарина, этого сильно захочет! Ещё ни один ученик не жаловался на неё, ни один родитель не приходил с упрёком в её адрес, потому что все знали: если Людмила Викторовна ставит «неуд», значит, ученик не знает тему или ведёт себя отвратительно.

Со временем изменился и коллектив педагогов. В школу приходили молоденькие девчонки. Столкнувшись с невыносимой системой, где главное не преподавание, а заполнение журналов и всевозможных, никому не нужных бумаг, молодые кадры вскоре покидали учебное заведение. Оставались лишь те, кому, хочешь или нет, приходилось либо ждать пенсию и со всем мириться, либо ждать перехода на другую работу или отъезда за границу. Интриги, сплетни и скандалы стали верными спутниками учительской среды. Люда и сама не заметила, как стала шептаться и перемывать косточки коллегам. По-другому не выходило.

Если не принимать ничью сторону, тебя заклюют и попросту выживут, сделают изгоем. Людмила не хотела быть одиночкой в коллективе. Хватало и того, что она одиночка по жизни, без мужа и детей в сорок восемь лет!

У Людмилы не складывалась личная жизнь. Симпатичная, кареглазая, немного худощавая, внешне схожая с матерью, она не ужилась ни с одним мужчиной, хотя встречались и неплохие люди. Проблема была в сложном, неуступчивом характере, в жесткости. Так считала Софья Петровна, видевшая многие изъяны своей единственной дочери. Из мужчин, когда-либо имевших отношения с Людой, многие вряд ли поздоровались бы с ней при встрече. Что-то было в Людмиле отталкивающее, как в угловатом, своенравном, полном скепсиса подростке: тонкие губы, прямоугольная форма лица, слегка сужающаяся к подбородку. Она редко улыбалась. Сама не ведая о том, женщина часто обижала людей какой-нибудь неуместной, грубой шуткой или едким замечанием. А еще, самое главное, Люда с возрастом потеряла возможность иметь детей. Но она не завидовала счастливым мамочкам, гуляющим во дворе с колясками, не проклинала судьбу. Понарина научилась просто не любить детей, без всякой мести за бесплодие. Свою нелюбовь она перенесла в профессию, маскируя антипатию под строгость и принципиальность. Мать, Софья Петровна, считала, что главная причина бездетности дочери чисто психологическая: Люда настроила себя против беременности и родов ещё в подростковом возрасте.

В 1999 году Виктор Альбертович неожиданно умер от сердечной недостаточности. После смерти мужа Софья Петровна сильно постарела, сдала и даже как будто стала меньше ростом. Она сгорбилась и иссохла. Покоя не давали ноги. Появившаяся после пятидесяти болезнь суставов начала прогрессировать. Боясь вовсе обезножить, Софья Петровна использовала народные средства. Результатов они не давали. К врачам не обращалась не от недоверия, вовсе нет – скорее от нежелания идти в поликлинику, стоять в длинных и шумных очередях. Знакомые говорили, что горе отдалось в ноги, будто болезнь нашла слабое место в организме худощавой, но крепкой старушки. Лечебницы и курорты были не то что не по карману пенсионерке, просто женщина считала, что ей нужны покой и умиротворение. Именно покоя не было у человека, тихого, домашнего уюта. Бесконечные хождения учеников дочери, звонки по телефону, консультации для студентов и абитуриентов – все это раздражало пожилую женщину.

Переехав к маме на Новоперелюбскую улицу, в большую трехкомнатную квартиру, Людмила свою скромную хрущевку в Наро-Фоминске собиралась продавать. На время пустила квартирантов – молодую семейную пару, но так и не дала объявление на продажу в Интернете или в газете. Что-то мешало осуществить задуманное: то ли напряженные отношения с вечно всем недовольной мамой, то ли теплящаяся надежда на замужество. Пусть эта надежда едва уловима, как первые, почти незаметные снежинки после затянувшейся осени.

Коллеги вспоминали семью Понариных – маму и папу Люды. Некоторые преподаватели, работающие в школе, когда-то учились у Софьи Петровны. Они просили передать привет. Но Людмиле было не до этого. Между ней и пожилой матерью длилось противостояние. Софья Петровна пыталась бороться с репетиторством дочери, считая, что посторонним не место в их доме. Дело доходило до изнурительных споров и скандалов. Каждый новый день приносил страдания. Людмила воспринимала поведение матери как каприз, боялась лишиться

подработки. Казалось бы, не велики деньги, но несколько тысяч рублей в месяц – хорошая помощь к основной зарплате.

– Как мне всё надоело! – хваталась за голову Люда, когда прямо при учениках, не стесняясь посторонних, Софья Петровна хлопала дверями, запираясь в комнате, демонстративно показывая своё недовольство.

– Может быть, нам уйти? – спрашивали ученики, испытывая неловкость.

– Ну что вы! Маме семьдесят три года, – Людмила пыталась сгладить обстановку, объясняя все возрастом. – У нее свои сложности...

Взволнованная дочь врывается в комнату и шепотом, чтобы никто не слышал, кричала на серьезную, нервно теребящую носовой платок Софью Петровну:

– Мама! Вы меня позорите!

– Ледок...

– Что Ледок! – давила словами дочь, понимая, что мать смягчается после выходки. – Что Вы всё прикидываетесь божьей коровкой!

Люда раздражалась ещё и потому, что терпеть не могла это обращение – «Ледок». Холодное слово резало слух.

– Твой отец не позволил бы обижать меня в своем доме! – едва не плакала старушка, беспомощно вытирая испуганные, слезящиеся глаза.

Люда, несколько не сентиментальная, твердо смотрела на сухощавые руки матери. Они напоминали коряги, торчащие из воды, такие же безжизненные и вялые. Кости, покрытые пожелтевшей, дряблой кожей. Странно, только лицо при всей худобе и сухости оставалось всё таким же интересным, как раньше: слегка вздернутый нос, тонкие брови, светло-карие, чуть раскосые глаза.

– Простите! За божью коровку...

– Ну что ты, Ледок, – примирительно говорила Софья Петровна, поглаживая плечо дочери, такое родное, такое миниатюрное, словно детское. – Ступай, тебя ждут!

Еще ребенком Людмилу учили обращаться к родителям на «вы». Уважение к взрослым считалось нормой, хотя такого обращения требовала больше мать. У Люды с отцом складывались теплые, дружеские отношения. Людмила могла обращаться к нему на «ты», и Виктор Альбертович не обижался, наоборот, становился ближе и роднее.

В последнее время, общаясь с матерью, Людмила стала повышать голос до крика. Срываясь по пустякам, Люда потом сожалела о своей чрезмерной импульсивности, но, казалось, Софья Петровна быстро прощала, не держа на дочь зла.

2

Когда-то семья Понариных каждое лето жила на даче в семидесяти четырех километрах по киевскому направлению железной дороги. Виктор Альбертович любил бывать там. Двухэтажный дом с мансардой и резными деревянными наличниками и отвесами на крыше были его гордостью. Он купил дачный участок с разграбленным, наполовину разрушенным домиком и, как мог, восстанавливал постройку, приводил в порядок территорию. Было это давно – не то в 1987, не то в 1988 году. Тогда не хватало ни денег, ни материалов, и Виктору Альбертовичу приходилось всё необходимое доставать любыми правдами и неправдами: через знакомых, товарищей и коллег по работе. Обустройство завершилось только лет через семь после покупки участка. Довольный глава семьи мечтал переехать на дачу насовсем, оставить квартиру в шумной и суетной Москве.

Софья Петровна любила мегаполис, но в минуты усталости ей хотелось тишины. Может, именно поэтому дача была особенно дорога. В памяти оживали давние летние вечера, которые обожал Виктор Альбертович, зимние теплые деньки, когда они приезжали на дачу просто так – побродить среди деревьев и кустов, послушать отдаленные гудки электричек, особенно жалостливо и одиноко звучащих среди запорошенных свежим снегом веток яблонь и рябин.

В своей квартире на Новоперелюбской улице Софья Петровна часто поглядывала из кухонного окна. Задумчивая, кажется, видящая за окном что-то, понятное лишь ей одной, старушка ощущала себя словно за городом. Из окна был виден проулок, который, если бы не реклама большого ресторана напротив, напоминал знакомые и очень дорогие сердцу виды Старого Арбата и Пречистенки. Всё это: и старая Москва с её тихими улочками, и подмосковная дача, построенная почти с нуля Виктором Альбертовичем, – стало для Софьи Петровны одним целым воспоминанием о чём-то невозвратно ушедшем, потерянном. А в голове звучала песня Булата Окуджавы, которую частенько напевал Виктор Альбертович, прогуливаясь по Арбату:

Ты течешь, как река. Странное название!
И прозрачен асфальт, как в реке вода.
Ах, Арбат, мой Арбат, ты – моё призвание,
Ты – и радость моя, и моя беда...

Промелькнет ли в проулке трамвай, пробегут ли мальчишки – Софье Петровне уже веселее. Что-то отрадное в этих привычных московских видах. Наступает успокоение. И пусть Москва теперь совсем другая – совсем не та, что в шестидесятые годы: нет старых домиков, где во дворах теплыми осенними вечерами играли в домино и шахматы компании мужчин. Стал этот город ещё больше, ещё выше поднялись дома, на фоне которых древние особнячки Саввинского переулка, Плющихи и Каланчевки кажутся призраками не из нашего времени. И все же, какой бы столица ни становилась, в сердце Софьи Петровны Москва всё та же, какой она была в детстве и юности. Дым осенних костров поднимался высоко вверх, и знакомый дворник на Мясницкой в желтом фартуке и белых нарукавниках гонял вертлявых пацанов, замахиваясь своей метлой. Мальчишки катались на трамвайных автосцепках, ворошили собранную в кучки листву, дразня немолодого дворника.

Больше не встретишь булгаковских красно-желтых трамваев «Ф» и «БФ» – ещё дореволюционных, фонарного типа вагонов. Они возили пассажиров до начала семидесятых годов. Деревянные лавки внутри, Ф-образный пантограф и незабываемый звонок вагоновожатого, без которого просто немыслима Москва прошлых лет. Всё изменилось в дорогом облике родного города.

– Наступит весна, ты нашу дачу не оставляй, – в один из февральских дней, сидя на кухне, задумчиво проговорила Софья Петровна, обращаясь к дочери.

Люда готовила обед, но слова матери не пролетели мимо. Разговоры между ними становились большой редкостью, и голос родного человека зазвучал в доме необычно, как чужой.

– Дачу следовало бы продать, – спокойно проговорила Людмила.

– Как, продать? – Софья Петровна изменилась в лице: глаза расширились, а взгляд сосредоточился на дочери. – Что ты такое говоришь? Это единственное воспоминание об отце. Сколько потрачено сил! Твой папа специально доставал редкие сорта деревьев, выводил и прививал! Одной китайской дерезы только пять разновидностей!

– Все деревья одичали, давно не плодоносят, – парировала Люда. – Дача заросла.

– Ты не должна так говорить! – пыталась вразумить дочь Софья Петровна.

– Вы говорите «не оставляй», а сами не были там года три или четыре. Мы её оставили уже давно. Садоводческое общество наверняка ждет от Вас оформления акта по отказу от брошенного участка.

А каких трудов Понарину стоило добыть саженцы! Через знакомых, в специальных лесопитомниках или заказывал издалека – как только не выходил из положения, чтобы посадить деревце в прохладную осеннюю землю. Нянчился с саженцами: поливал, подкармливал, обрезал сухие ветки, подвязывал. А весной подолгу любовался на подросшие деревья. Поглядит на них, бывало, и зайдет в домик, поднимется на мансарду, отдохнет и снова за работу. На даче был клочок земли и для овощей. Картофель, выращенный на участке, бережно доставлялся Виктором Альбертовичем в город.

Как-то летом Понарин начал мастерить беседку возле старой, оставшейся ещё от прежних хозяев яблони. Дерево напоминало согнувшегося, опирающегося на костыль старика: так сильно был изогнут ствол. Бросив беседку и доски, Виктор Альбертович срочно уехал в Москву. Это было тёплым майским утром 1997 года. На пейджер пришло сообщение о том, что дома случился пожар. Писала перепуганная Люда. Дочь приехала к родителям из Наро-Фоминска и, подходя к дому, заметила переполох: стояли пожарные машины, «скорая помощь», возле подъезда крутились встревоженные соседи и зеваки. Тем утром случилась беда: Софья Петровна ушла в магазин, а вскоре из квартиры Понариных пошел дым – загорелись холодильник и телевизор. Соседи вызвали пожарных, которые, на удивление, среагировали быстро. Взломав железную дверь, они не дали огню распространиться. Произошло все из-за неполадок в подъездном щитке и скачка напряжения.

– Мы могли остаться без жилья! – сама не своя причитала Софья Петровна.

– Всё позади, не переживай, – невозмутимо отвечал Виктор Альбертович.

До того случая большая старинная икона Богородицы, семейная реликвия, была просто предметом интерьера. Икона досталась от прабабушки и словно ждала своего часа, чтобы успокоить взволнованную Софью Петровну. Оставаясь человеком далеким от религии, после дня пожара она часто глядела на Богородицу в позолоченном обрамлении, неумело крестясь и ища в ней поддержку в трудную минуту.

Понарины жили закрыто. Всё, что происходило в их семье, не имело почти никакого выхода, не летела про них молва по белу свету. Со стороны казалось, будто всё у них благополучно. Только не было у их семьи друзей, впрочем, как и врагов. Знакомые были: «здравствуйте – до свидания». Часто останавливался Виктор Альбертович на улице поговорить с кем-нибудь, кого давно не видел, но домой не приглашал. Своих школьных и студенческих подруг Софья Петровна

забыла уже очень давно. В дружбу она не верила. Тому виной стал случай в молодости. Во время встречи нового тысяча девятьсот семьдесят седьмого года, пока Софья отлучилась на кухню, на колени к Вите уселась подруга Валентина. В тот праздничный вечер Софья Петровна сделала вид, что ничего страшного не произошло. Увидела – не беда! Бывает всякое, но больше в их доме не появлялась ни одна посторонняя женщина.

Люди в подъезде не знали даже имён Понариных и их дочери. На даче было по-другому: по именам их знали, но не больше. Когда появлялись незнакомцы или с кем-то чужим приходилось говорить, Виктор угрюмо бурчал, а его жена была вежливо немногословна.

Софья Петровна была увлечена собиранием книг. В их доме появлялись бледные копии творений запретных поэтов и писателей. Учительница доставала стихи Арсения Тарковского. С творчеством Шаламова семья Понариных познакомилась ещё в начале восьмидесятых годов. Утончённая Софья Петровна любила прогуливаться по осеннему парку, читая наизусть чьи-то строчки, например, Гумилёва:

Оранжево-красное небо...
Порывистый ветер качает
Кровавую гроздь рябины...

С наступлением теплых весенних дней Люда стала всерьез подумывать о переезде Софьи Петровны на дачу. Каждый год происходило одно и то же. Измученная московской жарой, пожилая мать часто не находила себе места. У нее как будто в голове мутилось. Теряла полученную пенсию, переворачивала весь дом в поисках денег и, словно по заведенной традиции, вспоминала покойного мужа. Старушка начинала плакать, умножая свою печаль, тревожа безвозвратно ушедшее прошлое.

«Начнут гореть торфяники, что тогда?» – спрашивала себя Людмила, с ужасом представляя капризную, издерганную Софью Петровну и густой, желтоватый, удушливый смог за окном квартиры. Открыть окна нельзя, а включишь вентилятор – пожилой человек может простыть. Что, если перевезти Софью Петровну в Наро-Фоминск, временно поселить в хрущевке? Разве она согласится! Люда отвергла эту идею. В квартире жила семья, договор с ними ещё не закончился, да и платят они исправно. А мать не любит подмосковную квартиру дочери. Громогласные соседи за панельной стеной постоянно выясняют отношения, упорно не обращая внимания на испуганно плачущих собственных маленьких детей, никак не привыкающих к бесконечной ругани родителей. Мама редко бывала в гостях у дочери, старалась долго не задерживаться в квартире Люды. Драки, матерщина, звон бьющихся бутылок среди ночи – разве может быть спокойной жизнь с такими беспокойными соседями!

Перевезти Софью Петровну на дачу мешало несколько обстоятельств: то, что за мамой нужно ухаживать, и слишком крутая лестница на мансарду. Если приготовить себе обед Софья Петровна ещё может, то подняться на второй этаж – вряд ли. Старушка всегда боялась маленьких и неудобных ступенек, но, любопытная, даже едва передвигаясь, она мечтала забраться повыше, чтобы посмотреть на сад, как любил поглядеть на своё детище покойный муж. Кроме того, продуктовый магазин находится в километре от дачного поселка – на железнодорожной станции.

Извилистая тропинка от станции до дачи помнилась, кажется, с закрытыми глазами. Самодельный мостик через ручей – бегущую по камушкам мутноватую водичку с точным названием «Ворчливый». Софья Петровна не раз рассказывала, как почти каждый день она спешила через шаткий мостик, торопилась накормить Виктора Альбертовича. Путь казался тогда недолгим – полтора часа езды на электричке. Было это давно – в те времена, когда, по-хозяйски орудуя топором, зачастую один, без помощников, Понарин ставил лаги – готовился крыть крышу. Те напряженные дни казались для Софьи Петровны радостными. «Сегодня Витюша установил раму!» – говорила она любопытным соседям по даче, или: «Сегодня крышу крыть закончили!» – весело щебетала довольная женщина, делаясь последними новостями на работе – в школе. Коллеги, наверное, завидовали Понариной, её счастливой жизни.

– Как на тебя похожа дочь! – отмечали учителя, когда Софья Петровна показывала фотографию Люды. – Скоро женихам отбоя не будет!

– Её не заставишь дружить даже с девчонками, – задумчиво отвечала Понарина, – только подойдут, сразу убегает от них, как от огня.

– Ничего, время изменит Людочку! – пытались развеять страхи матери опытные педагоги.

Разговоры между мамой и Людмилой были редкостью. Софья Петровна не слышала от Люды ни секретов, привычных шепотков между мамой и дочерью-подростком, ни споров, когда все мамы начинают предупреждать о дружбе с мальчиками.

– Как у тебя дела, Ледок? – спросила однажды Софья Петровна свою дочь.

Люда удивилась словам мамы и в недоумении спросила:

– Вы о чём?

– Ни о чём... так... просто...

Впервые мать поняла, что Люда ей никогда не доверит ни свои секреты, ни мечты, ни грусть свою, ни радость. Расстроенная Софья Петровна не находила себе места несколько дней после такого пустого разговора. Отчуждение становилось привычным делом, и как-то Софья Петровна представила себя обессиленной старушкой. И некому протянуть руку, помочь подняться. Почему так получилось?

3

Постоянные передраги дома не давали Людмиле спокойно работать. Она, как прежде, принимала у себя учеников, готовила их к поступлению в вузы. Ребята вели себя по-разному: одни прилежно занимались и старались понять тему, другие же рассеянно оглядывали квартиру, было видно, что их не интересует учёба. Отношение Софьи Петровны к репетиторству не менялось. Как-то, специально или нет, перевернула кастрюлю с супом в момент, когда в квартире находилась ученица Людмилы. Из кухни донесся грохот. Оставив работу, испуганная дочь ринулась на помощь. Софья Петровна, будто ничего не произошло, стояла посреди кухни, опираясь о стол.

– Мама, что Вы делаете?! – закричала Люда, увидев лежащую на полу кастрюлю с вывалившейся гущей и пролитым жирным бульоном. – Что Вы делаете, я вас спрашиваю?!

– Зацепилась...

– Я больше не могу! – негодовала дочь, судорожно хватаясь за тряпку и пытаясь собрать растекшийся по кухне суп.

– Я тоже не могу, – дрожащим голосом проговорила мать, с обидой глядя на расстроенную дочь.

– Что Вы не можете, спокойно жить?! – не стесняясь постороннего человека в доме, наступала Люда. – Вы начинаете вредительствовать!

Софью Петровну задели обвинения и упреки дочери. Губы её тряслись, а взгляд растерянно бегал по предметам. Людмила не верила в случайности, связанные с мамой, и считала, что у неё наступил возраст, который в шутку называют марзмати́ческим.

Каждый раз Софья Петровна выкидывала новые фокусы: то начинала беспричинно громко хохотать, то разговаривала сама с собой. От былой сдержанности не осталось ничего: Людмиле казалось, что мать объявила настоящую войну не только своей дочери, но и всему укладу небольшой учительской семьи. В этой войне любые средства стали хороши.

– Люда, я есть теперь не буду, – как-то заявила мать в ответ на приглашение за стол.

– Что это за номер, мама? – удивилась дочь.

– Ну... так... Варлам Шаламов прошел голод в лагерях, голодал Мандельштам...

– Вы решили испытать на себе все «прелести» лагерной жизни? – усмехнулась Людмила. – Не выйдет, где же тяжелая работа, холод, унижения, избиения?

– Насчёт холода и работы соглашусь, – парировала Софья Петровна, – а унижений в моей жизни достаточно.

– Когда Вы испытывали унижения?

– Постоянно...

– Какие?

– Взять нынешний разговор хотя бы: ты говоришь со мной язвительно!

Люда изменилась в лице, ее глаза погрустнели.

– Вы отказались есть, мне непонятно такое странное решение. Если я сделала что-то не так – скажите...

– Я каторжанка...

– Что за глупости, мама! – взвинула себя Люда. – Вы начитались идиотских книг!

– Не смей называть книги идиотскими, слышишь! – взорвалась от негодования Софья Петровна. – Твой папа и я долгие годы собирали библиотеку из «идиотских» книг! На полках Лев Толстой, Чехов и Бунин, которого нельзя было нигде достать! Я уже не говорю о Семенове, Платонове, Гранине! Какое ты имеешь право так говорить? Идиоты-писатели рефлексировали, создавали, чтобы такая невежда, как ты, заявила подобную чушь! Что ж, наши с папой труды оказались напрасными: не для тебя, доченька, библиотека! Какой же фантазеркой я была, когда наивно думала, что вырастет у меня Люда – и книги послужат ей. В них она найдёт для себя нравственную опору, разберётся и откроет автора по душе. А ты!

Стеллажи с книгами в доме Понариных занимали почти половину квартиры. В прихожей, по большому, широкому коридору, висели полки с книгами в два этажа. Зал и кабинет были заполнены книгами до потолка. Казалось, людям в этом доме нет места, они лишние, только лишь наполняют царство книг сума-

тохой и бесконечными ссорами. Для людей в квартире Понариных отводилась крохотная часть – для быта и отдыха. Старый диван, письменный стол и кресло – вся мебель зала, где проводила своё время Люда. За письменным столом она принимала учеников, а вечерами, когда хотелось посмотреть телевизор и удобнее расположиться в кресле, Людмила включала старомодный торшер. Зеленоватый свет уютно рассеивался по залу, освещая книги.

Понарины не просто собирали книги, они были одержимы идеей создания домашней библиотеки. Софья Петровна радовалась появлению любого нового издания и особенно восторгалась редкими томами. Виктор Альбертович читал не меньше, но его ещё интересовали труды математиков и размышления философов.

В юности Людмила частенько подслушивала разговоры родителей: ей нравилось узнавать даже самые мелкие их тайны. Отец негромко рассказывал Софье Петровне о своих делах на работе, делился разными слухами. Взрослые иногда спорили, стараясь не повышать голос. Люду раздражал родительский полусшепот, который то и дело доносился то из зала, то из кухни. Любопытная дочь подкрадывалась к двери и напрягала слух, зачастую вовсе не понимая сути бесед. «Ты помнишь, Витюша, как мы с тобой мечтали о мальчике? – как-то услышала дочь приглушённый голос матери. – Парень мог бы нам помогать!» Дочери казалось, что за немногословными, едва различимыми шепотками скрывается нелюбовь к ней, Люду не воспринимают частью семьи. Девочка злилась, но никогда не подавала виду. Чувствовала она в шепоте родителей что-то предательское, двуличие отца и глубокое безразличие матери.

Один зимний вечер заставил девочку утвердиться в своих подозрениях. Зеленоватый свет торшера мягко освещал книги, на старом диване сидел Виктор Альбертович, подогнув правую ногу под себя, и смотрел телевизор. Рядом с ним, положив голову на плечо мужа, сидела Софья Петровна. Людмила направлялась из кухни мимо зала и невольно, по привычке, прислушалась к тихим речам родителей под звуки телепередачи.

– Я буду вас любить ещё больше – нашего сына и тебя, – приглушенно говорил отец.

– Завтра схожу к врачу, мои предположения должны подтвердиться! – едва слышно отвечала мать.

Людмила ходила сама не своя несколько дней. Она не могла поверить, что её мама беременна и они вместе с папой скрывают это от нее. Дочери и до этого казалось, что Софья Петровна сожалеет, что однажды на свет появилась дочь, к тому же Виктор Альбертович как-то сказал: род Понариных завершится на нём.

Мама пыталась узнать, как дела у дочери в школе и почему она угрюмо молчит, но Людмила уходила от ответа и закрывалась в своей комнате. Дочь сопоставляла факты, и получалось, что ни мать, ни отец никогда не интересовались её жизнью по-настоящему, как это делают родители других детей, она будто приёмная дочь, которую хочешь или нет, нужно воспитывать. Если Виктор Альбертович ещё хоть как-то пытался заботиться (покупал кроссовки, кофты, даже как-то раз достал настоящие американские джинсы – не какие-нибудь варёнки!), то мама вела себя как мачеха: была недовольна поведением Людмилы, возмущалась и даже покрикивала на дочь. Подростку так хотелось задеть мать, назвав как-нибудь «мамашей», «маманей» или «родительницей».

Нет, никогда она не полюбит своего братика. Как родители мечтают о нём, сидят, как голубки! Даже противно. А сами, только подрастёт, начнут упрашивать её: «Поиграй, Ледок, с братиком, нам с папой нужно тетради проверить!» Пусть будут прокляты их тетради, которые тащат с работы кипами, прокляты их книги, которыми завалили квартиру, проклят ещё не рождённый сыночек – любимчик до рождения, прокляты они сами с их занятостью, непониманием и шепотками! Особенно хотелось послать к чёрту «родительницу». Вечно прикидывается кроткой, бегаёт за папой на цыпочках: «Витюшенька!» А сама устраивает ему интеллигентные скандалы – ходит, поджав губы, а он, подкаблучник наверняка не в первом поколении, бежит за ней: «Ну, я не знаю, не знаю, что я сделал не так?» Всё он сделал не так! Не на той женился, не ту профессию выбрал, не так учит детей в школе, вернее, не тому! Кому нужно их образование? Со школы воспитывают таких же неудачников, как сами, рассказывают о «светлых идеалах», а сами ничего не знают о них и врут, врут!

Людмила выходила из себя, но быстро успокаивалась, только ещё больше становясь неразговорчивой и замкнутой. Месяца через два в доме Понариных что-то произошло. Софья Петровна ходила бледная и словно перепуганная страшной новостью. Виктор Альбертович был задумчив.

– Люда, – серьёзно, как обращаются к взрослым, сказала мать, – я вынуждена лечь в больницу на несколько дней, меня будут оперировать.

– Что-то серьёзное?

– Ерунда, нарыв, – отмахнулась Софья Петровна.

Юная дочь поняла, что мать лжет. Наверняка беременность пошла как-то не так. Слово «нарыв» показалось Люде гадким и подлым. Как могла Софья Петровна ребенка назвать «нарывом»? Что же получается, это всего лишь что-то жалкое, никчёмное и мешающее спокойно жить? Чувство брезгливости переполнило Люду, и она вновь, как делала и раньше, ушла в свою комнату, чтобы подавить в себе эмоции, затаив глубокое разочарование.

Через три дня мать приехала домой. Грустная и уставшая, Софья Петровна почти не вставала с дивана, бесцельно смотрела телевизор. Виктор Альбертович заметно нервничал, ходил взволнованно по коридору, брал в руки книги, перелистывал страницы и снова ставил на полку. Вечером из зала вновь донесся шепот, родители едва не ругались, иногда переходя на громкие, отрывистые и оживлённые восклицания.

– Не нужно было идти на аборт! – сдавленно кричал Виктор Альбертович.

– Ты меня сам вынудил! Кто сказал, что лучше не рожать вовсе, чем ещё одну девочку?

– Я до последнего верил – будет парень! До последнего врачи гадали...

Неужели отец отправил маму в больницу только потому, что боялся появления на свет дочери! Какая мерзость! Не могла Люда поверить в такой низкий поступок своего папы. Но как могла мама пойти на аборт! Пусть Виктор Альбертович заставил лечь в больницу – как можно было поддаться, согласиться! Тем более Понарин – человек мягкий, он никогда не настаивал ни на чём.

Подавленная Люда натянула на себя пальто и выбежала в подъезд. Слезы не давали разглядеть ступеньки. Девочка села на подоконник. Большое окно на площадке между вторым и третьим этажами оказалось приоткрытым. Соседи выходят покурить и открывают окна. Через две минуты Людмила услышала

знакомый скрип двери – папа отправился ее догонять. Виктор Альбертович едва не прошёл мимо дочери, спускаясь в полутьме подъезда.

– Что случилось, Люда? – спросил отец, обнимая дочь за хрупкие плечи. Конечно, Виктор Альбертович понял, что Людмила слышала весь разговор родителей, и поэтому решил свой вопрос не повторять. – Пойдём домой...

Они молча зашли в квартиру. Софья Петровна изображала сон: специально отвернулась от телевизора, лежала на спине, закрыв при этом глаза. Ей, видимо не хотелось оправдываться перед дочерью, отвечать на трудные вопросы. Люда прошла в свою комнату и, не снимая пальто, улеглась прямо на постель. Отец подошёл к дочери, пытаясь подобрать нужные слова, но девочка нервно отвернулась к стене, показывая, что не хочет ни о чём говорить.

После того случая родители старались больше не шептаться и сложные темы в своих разговорах не поднимали. На всю жизнь запомнила Люда поступок матери, но никогда не возвращалась к прошлому своих родителей, ни в одном разговоре с мамой или папой дочь не упоминала тот зимний вечер.

Объявляя голодовку, старушка напрочь забывала, что часа через два-три она так захочет есть, что затрясутся руки и закружится голова. Каково было смотреть Людмиле, когда её мама, крадучись, чтобы никто не заметил, подошла к холодильнику и съела, будто своровав, котлету. Люда ничего не сказала, только улыбнулась. Мать была похожа на кошку, хитро снующую по квартире втайне от строгих хозяев.

– Как голодуется? – спросила Люда, войдя в комнату к забавовщице.

– Твоими молитвами, – укоризненно ответила Софья Петровна, будто Людмила не давала ей еды.

После двух дней такой «голодовки» старушка деловито сварила себе картошки и демонстративно, чтобы видела дочь, умяла её, то и дело приговаривая:

– Безо всякого аппетита поела...

Люда уже не скрывала усмешки, но промолчала. Наевшись, мать решила вновь игнорировать дочь: она не разговаривала без надобности, старалась не смотреть в её сторону и, как прежде, перестала есть. Что же, сытым голодать не трудно...

Еда не стала основным средством борьбы с упорством дочери. Софья Петровна начала требовать от Люды приобретения мобильного телефона. Насмотревшись телевизора, где то и дело мелькал знаменитый актер Нагиев, рекламирующий новую модель смартфона, старушка принялась давить на дочь, словно маленький ребенок, увидевший игрушку в магазине:

– С пенсии купи мне такой же телефон, как в рекламе!

– Мама, я не понимаю, зачем он Вам нужен? – поинтересовалась Люда.

– Что я видела в жизни? – Софья Петровна старалась вызвать к себе сочувствие. – Кроме того, домашний телефон часто занят, твои бесконечные звонки, разговоры с учениками, телефонные консультации...

– Но ведь это неправда! Телефон бывает редко занят!

– Мне нужно, – смягчаясь, не переставала требовать старушка.

– С кем разговаривать? – не унималась дочь.

– У меня есть приятельницы...

– Вы же почти ни с кем не общаетесь.

– А с тобой? – придумывала новый предлог Софья Петровна. – Ты бываешь в школе, беспокоишься за меня...

- Я и так звоню из учительской на переменах.
- А если не дозвонишься, что тогда?
- Мама, к чему это всё? – уже возмущалась Людмила.
- Я заработала на хороший телефон! Буду умирать, но с телефоном!
- Какие глупости!

Принимая новый заскок Софьи Петровны, Люда решила купить смартфон, только попроще того, что показывали в рекламе. Пенсии старушки хватило бы на покупку хорошего, дорогого айфона, но дочь посчитала, что даже недорогой, менее современный, и то будет бесполезной вещью, баловством. Софья Петровна бережно держала чудо техники, вздрагивала, когда приходило сообщение, боялась нажать на дисплей, будто опасалась повредить его своими неумелыми руками. Но больше всего страдала Люда: ей приходилось по двадцать раз в день показывать маме, как обращаться с телефоном. Находясь на работе, она была вынуждена каждый раз отвечать, когда звонила старушка.

– Почему Вы молчите, мама? – спрашивала Людмила, прерывая урок. В ответ была слышна тишина либо недоуменные восклицания матери вроде: «Как тут звонить по нему? Черт его знает, тьфу!»

От хозяйки смартфона часто приходили пустые сообщения, но иногда была набрана разная абракадабра. Вся эта околесица и бессмысленные звонки во время контрольных ужасно не только раздражали Люду, но и начинали смешить глумливых учеников.

– Так же нельзя! – ругалась Людмила, приходя домой. – Вы срываете уроки!

– Я не буду больше звонить! – обижалась Софья Петровна, поспешно удаляясь к себе в спальню. Она вновь не разговаривала, но присылать тарабарщину в сообщениях не переставала. То ли нажимала куда попало, то ли садилась на телефон, забывая его на кресле перед телевизором.

«Господи, где мне взять силы!» – думала издерганная Люда, укладываясь вечерами в постель.

Все домашние размолвки показались мелочью, когда однажды Софья Петровна упрекнула дочь в пропаже денег. Старушка частенько проверяла свои деньги, боясь, что недосчитает каких-нибудь пятьсот или тысячу рублей. Она перекладывала припрятанную пенсию из шкафа в аккуратно сложенное на полке бельё. Проходило несколько дней, и Софья Петровна убирала деньги подалее – за книги.

– Зачем тебе понадобилась моя пенсия? – уверенно спросила Софья Петровна свою дочь, когда уставшая Люда принесла с работы очередную пачку тетрадей. Людмила с недоумением поставила на пол тяжёлый пакет и растерянно посмотрела на маму. – Тебе что, не хватает своей зарплаты?

– Я не брала Ваши деньги.

– Врешь!

– Мама, что за новости! – возмущенно отвечала Люда. – Зачем мне чужое?

– Деньги нужны всем! – с недоверием в голосе продолжала настаивать старушка. – От лишней копейки ты не откажешься!

– Что Вы несёте! Я не брала деньги!

– Хочешь что-то себе купить – лучше скажи, чем воровать у своей старой матери!

– Да когда же это безумие прекратится! – закричала Люда, с обидой взорвшись на Софью Петровну, невозмутимо разглядывающую исхудалые руки. – Что Вы на свои ручки уставились? Смотрите, не запылились ли? Как мы себя любим, царевна! Надо, чтобы я перед вами ходила и спрашивала: «Не изволите чего?», «Как спали-с?», «Как ели-с?»... Вы вот жалуетесь: одинока, брошена, забыта, скромная интеллигенточка, живущая стихами Кузнецова, вздыхающая по «Антоновским яблокам» Бунина, читающая Бердяева, – а как хорошо устроились в жизни! Ходили в школу, затуманивали мозги учеников своим интеллигентским бредом: «Ах, как распускались московские сады в шестьдесят пятом! Воздух был ещё наполнен недавним присутствием Пастернака и Ахматовой, наступало время Ахмадулиной...» На работе – уютец, дома – уютец, поедете с папой на дачу – там всё славненько, миленько, превосходненько: яблоньки, кустики сирени, вздохи по Цветаевой, коньячок, звуки дачных электричек! Зарплатка неплохая, звания, регалии, надбавочки, премийки. «Как Ваши дела, Софья Петровна?», «Не хотите ли поработать после пенсии, Софья Петровна?». Как Вы мне сказали, мама: «Мне одиноко! Ледок, приезжай, устрою тебя в лучшую школу, где работала сама!» И что, я приехала... Учу бездарей, зарплата прежняя.

– Знаешь, каких трудов стоило мне пойти к директору и говорить с ним за тебя?!

– Ко-о-онечно! Труд невероятный – поговорить за родную дочь, попросить о сущей мелочи! В наше время, мама, отдел образования делает не так, как вы: звонят большие чины и требовательным голосом заявляют: «Я сказал устроить, понятно?» Вы всё боитесь взять от жизни принадлежащее вам, а люди берут, не спрашивая! Всё переживаете: вдруг директор меня поймёт как-то не так! Недовольны мной, жизнью, старостью. Питаетесь хорошо: сколько хочешь, всё свеженькое. Видите ли, репетиторство мешает – ученики, звонки... Не всё в жизни будет по-Вашему, если и было так, как Вы хотели, то это большая ошибка мироздания. Жизнь даёт человеку, что ему положено, и забирает полученное с переизбытком! Как Вы меня заставляли учить стихотворение Шефнера:

Налегай на весло, неудачник!
Мы с тобою давно решены,
Жизнь похожа на школьный задачник,
Где в конце все ответы даны.

– Перестань! – крикнула мама. – Я не жила в своё удовольствие! Мы работали с папой, было трудно, у нас не было знакомых в ГУМе!

– Дело не в том, – настаивала Люда, – просто у меня нет того, что так легко давалось Вам? Кто из нас одинок, Вы или я? Разве у Вас не было детей? А может, Вы были лишены доброго, покладистого мужа? Может, Вас не устраивал оклад в школе?

– Господи, о чём ты говоришь? Какой оклад, Люда! Разве деньги решают что-то?

– А-а! Вот как вы заговорили! Не ваши ли слова: «Зачем тебе понадобилась моя пенсия?» Не о деньгах ли подумали, когда потеряли пенсию? И кого заподозрили в краже, не меня ли?

Дочь чувствовала свою правоту. Она зашла в комнату матери, открыла дверцы шкафа с одеждой и, снимая с плечиков кофты, платья и брюки, стала пинать их.

– Что ты делаешь? – воскликнула Софья Петровна, подбирая с пола раскиданные вещи.

– Думаете, я дуручка! – заголосила Люда, поправляя волосы. Обида душила её, слёзы не давали говорить, она всхлипывала. – Разве я не понимаю, что копеечная зарплата, которую мне приходится получать, – это цена за необходимость работать в Москве и жить вместе с Вами! Провалитесь Вы с вашей помощью! Вся жизнь моя кувыркком из-за Вас!

Людмила швырнула какой-то тканевый свёрток, найденный среди обуви, аккуратно сложенной внизу шкафа. Из него выпали на пол деньги.

– Во-о-от! Подавитесь своими деньгами! Я не брала ничего! Воровкой меня ещё никто не считал!

– Там не было ничего, – пыталась оправдаться Софья Петровна. – Я искала!

– Да, это я подкинула, пока никто не видел!

– Нет, почему подкинула...

– Замолчите, мама! Не надо оправдательных речей! Вам всегда что-то не хватало, хотя жизнь Ваша была полной, Вы занимались важным делом – учили детей, у Вас была хорошая работа, муж, семья. Только я не имею права хоть как-то заработать, репетиторство – ну что Вы! А вдруг нарушу покой мамы!

Софья Петровна обиженно поджала тонкие губы. Старушка прекратила убирать раскиданные вещи. Она тихонько плакала у окна.

В квартире раздавались голоса: приходили ученики. Люда спокойно объясняла ребятам темы, стараясь не показывать свои воспалённые от слёз глаза.

4

Беспечность Люды, не воспринимающей тревогу Софьи Петровны, её протесты против репетиторства, все-таки обернулась бедой. Дело обстояло так: очередное занятие со студентом прервалось, как это бывало нередко. Софья Петровна вновь искала припрятанные деньги. После неприятного разговора с дочерью и скандала она стала ещё чаще перекладывать пенсию с места на место. Забывая о тайниках, старушка перерывала полквартиры. Софья Петровна не просила о помощи.

В поисках денег старшая Понарина заглянула в шкаф, отодвинула тяжелую, из толстого стекла, пепельницу, в которой хранились разные безделушки: бусы, серьги и бижутерия. Старушка неосторожно повернулась и уронила графин, который, упав, разбил стеклянную полку для посуды. Хрустальный сервиз повалился на пол. Софья Петровна не на шутку перепугалась и не заметила, как порезала осколком стекла правую ладонь. На грохот подскочила Люда.

– Зачем Вы туда полезли, мама? – с укоризной сказала дочь, пытаясь перевязать рану Софьи Петровны.

– Не помню, куда дела деньги, – виновато отвечала мать. Её глаза, как всегда, наполнились слезами, а поджатые губы тряслись.

– Что Вы сразу обижаетесь, я не брала Ваши деньги!

– Ну...

– Зачем! Заче-е-ем Вы лезете, куда не надо?!

– Ледок! – взмолилась Софья Петровна, ощущая свою беспомощность. – Увези меня на дачу!

– Господи, да что Вы мне выматываете душу! То смартфон ей подавай, как у Нагиева, то «не буду звонить!», то «не буду есть!», то «пошли вон, надоедливые

ученики!», то «где мои деньги?», то «уведи на дачу!»... Как мне всё это надоело! Как же я устала от этого сумасшествия! Я устала от битого стекла и пролитого супа на полу, от неприличных звуков и неприятного, затхлого запаха, царящего в квартире! Как же я устала! – заплакала Люда, позабыв, что дома находится посторонний человек. – Зачем Вам на дачу? Чтобы мне стало совестно, что Вы далеко? Скажите, ради чего?! Вы хотите мне сделать больно?

– Уведи-и-и! – зарыдала Софья Петровна.

Она молила родного человека каким-то хриплым голосом, идущим словно не от неё. Людмила испугалась этого страшного голоса и вскрикнула, будто схватилась за раскаленную металлическую печь:

– Замолчи!

Впервые в жизни Люда обратилась к матери на «ты». От неожиданности дочери стало стыдно за несвойственное в их семье обращение к родителям. На мгновение наступила тишина. Они обе будто пытались осмыслить произошедшее, но Софья Петровна как сама не своя вновь повторила:

– Уведи-и-и!

– Я сказала, замолчи! Слышишь меня! – Люда готова была, кажется, прибить человека, давшего ей жизнь.

Уже не боясь своих слов, она на миг схватила маму за подбородок, но, вновь перепугавшись, убрала руку. Людмила принялась перевязывать рану, но Софья Петровна постоянно вздрагивала от слёз. С огромной силой дочь дернула худое, будто детское, тельце матери. Старушка едва не упала, вскрикнув от боли, и настороженно притихла.

Ещё с детства Люда проявляла чрезмерную твердость и упёртость характера, кое-когда переходящую едва ли не в жестокость. Она была скупа на сочувствие и сожаление. Бывало, папа оставит очки на журнальном столике, а Люда спрячет их смеху ради и ходит, как ни в чем не бывало. Отец занервничает, перевернет весь дом, а она выложит их на видное место и хохочет. «Извинись!» – говорила мама, но Люда оставляла слова Софьи Петровны без внимания.

Кровотечение остановили. Долго Людмила не могла успокоиться, прийти в себя. Извиняться она и не думала, мать сама виновата! В присутствии постороннего человека так опозориться! Студент ушел, не стал дожидаться окончания разбирательств. Знаний, конечно, у него нет. Какой из него получится медик, одному богу известно! Он учится на втором курсе медицинского института. Пришел третий или четвертый раз. Его родители вечно тянут с оплатой. Ушел и даже не прикрыл входную дверь. В подъезде наверняка был слышен скандал...

Наивная учительница Людмила Викторовна! Она и не заметила раньше, что студент, пришедший из Сеченовки по объявлению, как-то подозрительно разглядывал квартиру, пока репетитор записывала на листке примеры вычислений биквадратных уравнений. Люда не сразухватила смартфон, купленного в кредит, и норковой шубы из шкафа в прихожей. Самой ценной из украденных вещей оказалась икона Богородицы, та самая, которая досталась Понариным по наследству. Именно она, чудом спасенная в 1918 году, вывезенная из столицы и вернувшаяся обратно в Москву лишь в 1935 году, она, едва не оскверненная грубыми мужиками, принадлежавшая разрушенному храму, была прихвачена жуликоватым пареньком из квартиры старой учительницы Софьи Понариной.

Долгие годы икона была лишь украшением дома, но в далеком девяносто седьмом году она спасла их семью от горя при пожаре. С тех пор Софья Петровна молилась, не зная ни одной молитвы, выкладывая Богородице всё, что думает, как лучшей подруге. Казалось, икона ей помогала, по крайней мере, после общения с ней на душе старушки всегда становилось светлее.

«Что же теперь делать?» – недоумевала Люда, осознав, что ценные вещи украл студент-медик. Ни фамилии, ни адреса она его не знала. Имя Женя не говорило ни о чем. Он мог зваться и по-другому. Документов молодого человека никто не проверял. Одет в модную, с нашивками, джинсовую куртку. А у кого сейчас не встретишь джинсовку? Разве это примета? О случившемся нельзя рассказывать Софье Петровне. На её век трагедий хватит: смерть мужа, болезненная и мучительная старость, репетиторство упрямой дочери...

Студент Женя позвонил Людмиле Викторовне недели две назад. Вежливый, часто извиняющийся, сказал, что нашёл телефон учительницы в Интернете. Он просил помочь подтянуть математику. Худощавый, высокий, резко оглядывающийся по сторонам, с дерзким взглядом, какой бывает у людей заносчивых.

В полицию заявлять пока тоже не нужно, следует оградить пожилого, мнительного человека, и без того остро воспринимающего всё происходящее. Дочь тихонько плакала, ходила растерянно по квартире. Накатило чувство вины: и за грубость, уже не в первый раз проявленную к маме, и за воровство ученика... Людмила ощущала своё соучастие в этом низком поступке своего подопечного, потому что молчит, пытается скрыть. Но можно ли по-другому? Разве лучше всё рассказать и довести маму до инфаркта?

Если ещё совсем недавно Люда могла твердо решить для себя, что не будет извиняться перед мамой за грубость, то теперь всё изменилось. О вине Софьи Петровны не шло и речи. Люда не знала, как сгладить натянутые отношения с мамой. Нужно, наверное, поговорить с ней, попросить прощения, как тяжело бы это не было. Конечно, мама всё поймет и простит. Никогда до этого Людмила не думала, что переступить через себя, через собственные колебания будет так нестерпимо мучительно!

Когда-то, после смерти папы, Люда корила себя за то, что была с ним черства и излишне упряма. Ей казалось, что пренебрежение его вниманием, скепсис и даже порой элементарное неуважение стали причиной его раннего ухода. Прошедшие девятнадцать лет Люда вспоминала свои мелкие злодейства и хулиганства далекой юности. Как она могла, вопреки запретам отца, приглашать полный дом сокурсниц в слабой надежде с кем-то подружиться, пока родители на даче или на работе! Как сбегала она с занятий в педагогическом и спешила в видеосалон, а потом гуляла до ночи в Кунцево – за тридевять земель от дома. «Ах, папочка! Сколько переживаний он вытерпел!» – иногда сокрушалась дочь.

Бедный Виктор Альбертович, его измученное сердце остановилось прямо во время заседания кафедры. Долгие годы врачи предостерегали его, советовали сделать операцию, но Виктор Альбертович, как обычно, упрямылся. Некомпенсированный порок сердца – тяжелое бремя, крест на всю жизнь. Жарким июльским днем тревожный голос с папиной работы в телефоне оповестил, что ему нездоровится. Тем переломным летом сильно горели торфяники, над Москвой стоял

желтый удушающий смог. По городу то и дело проносились машины «скорой помощи». Они своими тревожными сиренами приводили в смятение. Душными ночами где-то вдали гулко гремели грозы. Зарево на полнеба и оглушительные раскаты впечатляли москвичей, давали надежду на скорейшую свободу от нестерпимого запаха гари, но всё увы – природа оставалась безжалостной. Ни капли дождя, ни ветерка...

Когда сообщили о нездоровье мужа, Софья Петровна бросила домашние дела и они поехали с Людой на кафедру. Недобрый худощавый мужчина в строгом костюме кофейного цвета нервно ответил:

– В десятой больнице ваш муж!

Но ни в приемном покое, ни в реанимации его не было. Москва – суетливый город, огромный и от этого непринужденно жестокий. Пока бедные женщины, измученные тревогой и общественным транспортом, добрались до больницы, Виктор Альбертович умер. Посиневший, с вытянувшимся лицом и полуоткрытыми глазами, он лежал на секционном столе в анатомической. Смерть во мраке большого, плохо освещенного зала, предстала во всей своей неприглядной, расхристанной изуродованности. Дорога в морг оказалась самым страшным испытанием для плачущей Софьи Петровны. Она не знала, что её ждёт за холодной кирпичной стеной неприветливого длинного одноэтажного здания с плотно занавешенными окнами. На этой асфальтированной дороге, ведущей мимо пищеблока через больничный сад, у Софьи Петровны впервые отказали ноги. Вдобавок неприятный санитар с нагловатым видом дал Людмиле опись вещей покойника и попросил расписаться. Люда прочитала список, едва удерживая трясущимися от волнения руками неаккуратно сложенный пополам листок. В бумаге были указаны чужие вещи.

– Хотите присвоить чужое? – спросила Люда этого санитаря в старом, заношенном медицинском халате и плотном резиновом фартуке, как у рубщика мяса.

– Что не так?

– Вещи не наши! – выходя из себя, проговорила Люда, придерживая рыдающую мать.

Не смутившись, санитар принес другую бумагу. Понарины поспешили забрать костюм Виктора Альбертовича и выйти на свежий воздух, оставив душное, мрачное помещение, жутко пахнущее формалином.

– Вы видели, мама, с какой усмешкой смотрел этот идиот? – сердилась Люда, оглядываясь на морг. – Издевается! Думает, если вид покойников для него дело обычное, то и мы должны...

– Ледок, я не могу идти! – пожаловалась Софья Петровна. Ноги её отяжелели, а в теле была слабость. – Витюша, за что?..

Заниматься похоронной волокитой Софья Петровна не могла, всё приходилось делать Людмиле. Обессиленная, с опухшим лицом, Софья Петровна постоянно лежала и плакала. Вечером после похорон не спавшая двое суток дочь выразила своё недовольство:

– Сколько можно лежать? Мне нужна была Ваша помощь: надо было собрать справки, договориться с похоронным агентством, кладбищем...

– В ногах силы нет, – сипло отвечала мать.

– Правильно! У кого силы много в ногах – это у меня! Мне некогда причитать: «Витюша, за что-о-о!»

– В чём ты меня упрекаешь?

– Ни в чём! Просто, когда приходит горе, легче всего страдать, а другие пусть бегают по инстанциям!

– Разве так можно, Ледок?

– Что, недостаточно скорблю? – нервно размахивала руками Людмила. – Научите! Я тоже буду только лишь страдать!

– Что ты говоришь?

– Некогда мне страдать, вот что!

– Мама, мамочка, не обижайся на меня! – плакала Людмила. Нахлынувшие воспоминания подкатили к горлу удушливым комом, и ей стало ещё нестерпимее. Пропала значимая для матери вещь, а она не смеет рассказать ей об этом.

– Ледок, это я виновата! – отвечала ничего не подозревающая Софья Петровна, глядя сухими, бесслезными, красными, как у наркомана, глазами. – Совсем я обзумела, стала сама не своя! Мне бы радоваться, что рядом дочь, не бросает меня. В других семьях как: чуть постарели родители, стали беспомощными – в дом престарелых отдают. Кому мы нужны? Твоему отцу хорошо – рано прибрался, не слёг, а со мной ещё возиться надо.

– Что за дурные разговоры?

– Почему дурные? Жизнь...

– Вы... – запнулась Люда, растерянно думая, какие слова подобрать, – рассуждаете как человек, оставшийся наедине со своими проблемами. А ведь, между прочим, у Вас есть я...

– Есть, конечно, Ледок, – отрешенно говорила Софья Петровна, словно её жизнь потеряла всякий смысл. Без эмоций она смотрела в одну точку и шевелила бескровными губами.

– Может, действительно Вам провести лето на даче? – спросила Люда, присаживаясь рядом с мамой на диван.

– Лучше... да... – неопределённо ответила Софья Петровна, заметно оживляясь.

– Я так и хотела. Там свежий воздух. Твой папа очень любил дачу, вспомни...

– Я помню, помню!.. – заволновалась Люда, давно уставшая от бесконечных разговоров об отце.

На протяжении всех этих прожитых без Виктора Альбертовича лет в их доме вспоминали папу много раз в день по разным поводам. Даже когда Софья Петровна думала о том или ином поступке дочери, она сопоставляла, как бы это оценил её муж. Образ отца был возведён матерью едва ли не в культ. Сам покойный не признавал никакой авторитарности и относился к любым проявлениям превосходства отрицательно. Чем старше становилась Софья Петровна, тем крепче делалась её незримая связь с прошлым. Но, несмотря на странную, как бы разделённую надвое жизнь старушки, Люда старалась не задевать памяти отца, чтобы не мучить мать.

Много думала Людмила о произошедшем в их доме. Всю ночь проплакала, а утром встала опухшая, с тяжелой, больной головой. Впервые за долгое время она услышала, как беспокойно спит старая мать. Из ее комнаты доносился звонкий храп, прерываемый то непонятными, отрывистыми возгласами, то бормотанием, то смехом. Слушать бред было просто невыносимо, а неожиданный хохот спящей

старушки казался жутким, напоминая фильм ужасов. Промучившись, дочь решила твердо: маме нужно побыть на даче, подальше от шумного мегаполиса.

Софья Петровна почувствовала сборы и начала капризничать. Она не могла ехать на неподготовленную, пустую дачу, где не была несколько лет. Людмила нервничала, но старалась держать себя в руках. Не слушая недовольные комментарии матери, она собирала сумки.

– На чем будем добираться? – спросила Софья Петровна снующую по квартире дочь. Она сидела в кресле и торжественно поглядывала на происходящее. – Неужели электричкой, Ледок?

– А на чем Вы предлагаете?

Люда и сама не решила еще, как ехать, в душе колебалась. Мысли путались, словно концы нескольких веревок, связанных морским узлом. Женщина думала, как будет искать икону. К счастью, мать не вспоминала о Богородице. Дочь даже не знала, что ответить, если Софья Петровна вдруг обнаружит ее отсутствие. Тревожные раздумья заставляли ещё более судорожно торопиться, как спешат опаздывающие на самолёт.

Тоскливым взглядом обведя напоследок свою квартиру, едва передвигая одеревенелыми ногами, Софья Петровна вышла в гулкий подъезд дома на Новоперелюбской улице. Её ждала дача, на которой она не была с тех пор, как ходить стало тяжело. По суетливому поведению Люды было понятно, что дочь сама не представляет будущую поездку. Две большие дорожные сумки заставляли делать частые передышки, Людмила останавливалась, дожидалась едва плетущуюся мать и снова шла. Софью Петровну не спасала трость, купленная сразу после начала невзгод со здоровьем. Дешевая, китайская, она, казалось, была готова переломиться пополам, поэтому старушка ей не доверяла – шла осторожно, шаркая и тяжело ступая.

Отойдя метров двести от дома, Люда остановилась. Прочитав какую-то рекламу, стала звонить. Любопытная Софья Петровна, сколько ни старалась прочесть написанное своими подслеповатыми глазами, издали разобрать ничего не могла.

– А где же мой телефон? – будто малый ребенок, вспомнив о любимой игрушке, спросила Софья Петровна.

– Не знаю, Вы его не брали? – сказала дочь, продолжая разговаривать с кем-то по телефону.

Мать, кажется, не понимала, что человек занят, её это не остановило:

– Где телефон, Ледок?

– Мама, я по телефону говорю...

– Как же я без телефона-то? – не успокаивалась Софья Петровна, донимая дочь вопросами. Они стояли метрах в двадцати друг от друга, старушке приходилось кричать на всю улицу. Недоумевая, прохожие оборачивались, понимая неловкое положение Людмилы. – Ты с кем говоришь? Без телефона я не смогу с тобой общаться. Для этого он и создан, чтобы говорить по нему, а не дома лежать...

– Я же сказала, говорю с людьми! Разве трудно мне просто не мешать! – срываясь, ответила Люда неугомонной матери.

Недовольно бурча что-то себе под нос, Люда поставила сумки возле ног старушки и отправилась искать её смартфон.

– Ты куда? – не понимая, спросила Софья Петровна уходящую от неё Люду.
– Ну что Вы прикидываетесь! Домой я пошла, за телефоном!
– Да ладно, не надо, – примирительно сказала мать, видя взвинченное состояние дочери.

– Вы что, издеваетесь? – вновь сорвалась Людмила.

Глядя вслед Людмиле, Софья Петровна даже не заметила, как подъехал микроавтобус «Мерседес», из которого вышли двое здоровенных ребят и молча взяли её дорожные сумки.

– Вы что делаете? Грабят средь бела дня! – запаниковала старушка, нервно тряся над головой китайской тростью. Но молодые люди, ничего не говоря, выставили пандус и, посадив взволнованную Софью Петровну в инвалидную коляску, стали закатывать в машину. – Где милиция?! Что вы делаете?

Разъяренная старуха успела садануть одного из похитителей по хребту. Отскочив, молодой человек лишь крикнул:

– Вы что, совсем ненормальная?

– А вы нормальный? Что вы меня хватаете?

– Нельзя же так, бабушка! – ответил второй. – Если вы так на всех будете бросаться, как на врагов, к Вам не подойдут никогда.

– Не надо ко мне подходить, у меня не тот возраст!

– При чем тут возраст? – спросил пострадавший, потирая место ушиба. – Вам голову отбили на Куликовом поле?

– Нет, под Рязанью, при монгольском нашествии...

– Ну, бабка! Чумовая...

– А ну катитесь к чёрту! – замахнулась Софья Петровна. Мужчины поспешно стали выходить из машины. – Вывозите меня обратно!

Молодые люди послушно вывезли коляску на тротуар.

– Что произошло? – спросила подошедшая Люда. – Что здесь за спектакль?

– Зачем ушла-то? Они меня схватили...

– Мама, это социальное такси.

– Вам на Киевский вокзал?

– Да.

– Мы так не договаривались, – едва сдерживаясь, сказал парень в пропотевшей от волнения бейсболке. – У нас бывает всякое, но такое впервые.

– Скажите, а в Подмоскowie вы ездите? – спросила Людмила, еще не в курсе случившегося в ее отсутствие.

– Да вы что, женщина, разве я похож на самоубийцу! – заговорил второй, с рыжеватой бородой.

– Не понимаю...

– Что тут непонятного? Бабушка ваша нас огрела своей палкой...

– Бедные, вас не так надо гонять! У меня душа в пятки ушла.

– У нас комбинезоны специальные...

– Комбинезоны!

Софья Петровна оказалась в неловкой ситуации. Молодые люди сели в кабину, резко захлопнув за старушкой дверь. Всю дорогу на вокзал Люда молчала, укоризненно поглядывала на мать. Ей было неудобно за странное поведение Софьи Петровны. Старушка смотрела в окно и не видела ровно ничего: душу жгла вновь нахлынувшая обида.

Москва за окном микроавтобуса была, как всегда, торжественна: по широким улицам плотным потоком неслись дорогие автомобили, яркое солнце отражалось от стекол современных зданий. Поездка развеяла напряженность, Софье Петровне стало немного радостнее: её ждала встреча с прошлым, таким далёким и тёплым. Она и представить не могла, что будет с ней, когда знакомая извилистая тропка приведёт на любимую дачу. В душе впервые за много лет царило ликование, сердце как будто бежало впереди машины, так оно билось и содрогалось.

5

Электрички по киевскому направлению ходили часто. Каждые пятнадцать минут протяжный свисток поезда раздавался над вокзалом, указывая на отправление. Приветливые зеленые огоньки светофоров манили сесть в вагон, чтобы оставить этот многолюдный, шумный, но такой родной, любимый город. Софья Петровна никогда бы не променяла Москву на другой город, даже в Европе. Она гордилась своим московским происхождением. Но и скучала по даче.

Усевшись на мягкое сиденье в электричке, старушка тяжело перевела дух. Ей давно не приходилось преодолевать большие расстояния пешком. В вагоне было невыносимо душно. Даже открытые окна не давали нужной свежести и прохлады. Людмила расставила сумки и решила вытереть липкий пот на мамином лице. Заметно уставшая Софья Петровна то и дело поправляла повязку на пораненной накануне руке. Солёный пот, попадая в рану, доставлял много неприятностей: будто муравей, пробравшись под бинт, щипал и мучил старого человека.

Когда поезд отправился, стало легче дышать. За окном проплыли высотные здания, мосты и эстакады, остались позади развязки кольцевой, и электричка спешащей в сторону Апрелевки и Нары змейкой вырвалась из города. Позади ещё виднелись большие дома окраинной Москвы, а впереди лежали станции, платформы, поселки и деревушки, сменявшиеся березовыми лесами, озерами и полями. На станциях входили простые люди, наполняли вагон бойкими беседами. Пассажиры подмосковной электрички отличались от москвичей – немного неприветливых жителей огромного города – своей открытостью и бесхитростью.

После покупки дачи Софья Петровна и Виктор Альбертович долго не могли привыкнуть к обитателям Подмосковья. В конце восьмидесятых по вагонам ходили и бабушки с пирожками, и юноши с газетами, и инвалиды с гармошкой. Сколько было безбилетников и мнимых контролеров, обирающих людей! А сколько случалось пьяных драк, срывания стоп-кранов!

Вспоминался даже случай, как по осени в вечернюю электричку вошли двое подозрительных, жалкого вида мужчин, и каждый из них спокойно выкрутил по деревянной раме, установленной на зиму для тепла. Воры не смущались пассажиров полупустого вагона, действовали со знанием дела, сноровисто, словно рабочие. Пассажиры пытались нажать тревожную желтую кнопку с надписью «Милиция», но человек по громкой связи на весь состав раздраженно объявил: «В электричке милиции нет!» Эти двое, одетые во что-то темное, беспрепятственно покинули вагон в тот момент, когда автоматические двери

открылись на пустынную платформу посреди холодного поля. Прихватив рамы, воры скрылись во мраке дождливого вечера.

Дорога на дачу показалась Софье Петровне вечностью. Она хотела прилечь. Больные старческие ноги устало ныли. Казалось, что каждая косточка в теле старушки готова рассыпаться от невероятной, нечеловеческой усталости в прах. Каждая жилка в её дряхлом теле напрягалась. Озираясь по сторонам Софья Петровна с нетерпением ждала своей станции. Дочь пыталась сохранить спокойствие: смотрела то в телефон, то поглядывала в окно. И вот уже за лесом показались дачные домики. Люда оживленно взяла маму за руку, показывая, что дорога подошла к концу.

Тяжело ступив на дачную платформу, Софья Петровна сразу ощутила знакомый запах травы, подсыхающей на жаре. Запах лета... Как давно не ощущала она этот терпкий аромат! У нее закружилась голова.

– Мама, нужно присесть, – сказала Люда, пытаясь поддержать Софью Петровну подмышку, заметив, что ей плохо.

– На небе ни облачка, – заговорила Софья Петровна, присаживаясь на скамью для ожидания электричек. Она подняла лицо к небу и, прищурившись, увидела бездонную синеву. – Ледок, знаешь, у меня не было надежды увидеть дачу...

– Поймите, рано или поздно её придется продать, – попыталась воззвать к разуму матери дочь.

– Я не хочу это слышать, нет! – резко ответила мать.

– У нас все споры лишь из-за Вашего несогласия.

– Не хочу и не буду соглашаться на преступное предательство интересов твоего отца!

– Какие интересы, мама! – заведенная Людмила поняла, что и здесь между ними не будет взаимопонимания. – Человека уже девятнадцать лет с нами нет, о чём вы?

– А если умер, то и предавать можно?

– Ну, какое это предательство? Мы не можем здесь даже бывать! Да, здесь здорово, здесь отдыхает душа, но нельзя же думать лишь о тех, кто ушел от нас в мир иной! – Люда начинала горячиться. Стоя на солнце, женщина не замечала изнуряющего зноя. Раздраженная, она говорила всё громче. – Сколько можно жить прошлым? Вас убивают негативные мысли, разве это непонятно? Каждый новый день приходит не за тем, чтобы вспоминать день прошедший. Вчера осталось позади, но Вас нет сейчас!

– Да-а! – Вытирая пот со лба, удивилась старушка. – А если кроме прошлого не осталось ровно ничего? Что тогда?

– Почему ничего не осталось?

– Потому что я одна, понимаешь? Я совсем одна на этом свете!

– А как же я? – недоумевала Люда, не обращая никакого внимания на приближающийся к платформе поезд.

– Ты другая, ещё совсем далёкая от моих душевных передряг.

Пока проносился пассажирский поезд, обдувая порывами горячего воздуха, женщины молча думали о своём. Люда потупила взгляд, а Софья Петровна смотрела вперед – куда, поднимая пыль, уносился поезд.

– Знаете, насчёт душевных передряг, это настоящее позёрство и театральщина, – проговорила Люда, поднимая взгляд.

– Ледок, а тебе не кажется, что иногда людям бывает плохо?

– Бывает, но не треть жизни. Нужно браться за себя, воскресать после всех невзгод.

– Воскресать?

– Да, именно. Всё готово обновляться.

– Где же брать силы?

– Разве молитвы не дают вам силы? – сказала Люда и подумала: «О религии не надо, может вспомнить про икону».

– Молитвы помогают, но временно.

– А знаете почему?

– Почему же?

– Вы верите временно, вполсилы, так же, как они помогают. Какой привет, такой и ответ.

– Нет, – Софья Петровна обессиленно покачала головой.

– Да, мама! – Люда приблизилась к ней и едва не закричала, вновь выходя из себя. – Беда вашего, именно вашего поколения в том, что вы для себя ничего не уяснили.

– Что мы могли уяснить? – перебила Софья Петровна. – Мы глазом не успели моргнуть – у нас ни родины, ни флага...

– Кто же их отобрал?

– Кто? Ваше заблудшее, сбившееся с толку поколение.

– Кто же нас сбивал? Не вы, случайно?

– Это нечестно...

– А честно ли, мама, решать за людей, как им жить, что им есть, как смотреть, одеваться, как ходить! Может, честно лукавить? Сначала верить в одно, а когда надо, заводить другую шарманку?

– Твой отец...

– Опять мой отец! Это невыносимо!

– Дай сказать! – прервала сокрушающуюся дочь Софья Петровна. – Папа был такой же, как и ты: всё время чувствовал стыд за своё поколение, постоянно твердил, что наши люди заслужили нелёгкой доли. Сами потакали рабству и оскотиниванию.

– Я не чувствую стыда...

– Не перебивай! – резко оборвала мать. – Всё время Витюшенька жил спокойно: работал, жил для семьи, но ведь были люди, которые лезли на баррикады. Что они получили, ответь мне?

– Они спасали таких, как Витюшенька, от большой крови!

– Врёшь! – возмутилась Софья Петровна, стукнув ладонью здоровой руки о скамью, на которой сидела. – Мы получили поколение, полное апатии.

– Да это ваша апатия, как вы не поймёте!

– Хватит! – крикнула Софья Петровна.

– Вы же выросли в этом болоте и заразили нас страхом, неверием, нежеланием работать, стремиться!

– Хватит! – повторила мать.

Раздался пронзительный, резкий гудок поезда, будто пролетел самолёт – звук шел с нарастанием. Люда вздрогнула от неожиданности. Потоки воздуха от пробегающего пассажирского состава резко ударили ей в спину, трепали одежду.

Постояв, Люда присела рядом с мамой и попыталась примирительно обнять её за худые плечи, но Софья Петровна нервно отстранила руку дочери.

– Ладно, мама, оставим этот бессмысленный спор. Лучше пойдёмте, мне сегодня ещё нужно вернуться в Москву.

Мать с трудом поднялась, и они молча пошли к даче. Спускаться по ступенькам с высокой платформы было трудно. Тяжелый разговор утомил старушку. Шаркая по земле и опираясь на хлипкую китайскую трость, Софья Петровна мечтала ухватиться за руку идущей впереди дочери. Казалось, ещё минута, и неподъёмные ноги, будто безжизненные культияпки, попросту подкосятся, и старуха рухнет на пыльную дорогу. Что-то мешало протянуть руку в сторону Люды. Впереди нес сумки чужой человек – вовсе не её взрослая дочь.

Недалеко от станции, за кустом черёмухи, стоял единственный на весь посёлок магазин. Старое, деревянное, бывшее железнодорожное здание, скорее похожее на барак, с шаткими и скрипучими полами внутри. Здесь можно было купить и дачные принадлежности, и продукты, и даже маломальскую бытовую технику, необходимую для проживания за городом.

На крыльце магазина от большого и раскидистого тополя лежала прохладная, спасительная тень. Присев на ступеньку высокого крыльца сельмага (как называли торговую точку дачники и местные жители небольшой деревушки, находящейся недалеко от дачного посёлка), Софья Петровна долго не могла отдышаться.

– Больше не могу, – проговорила она.

Жадно глотая горячий воздух, Софья Петровна взяла носовой платок из рук серьёзной дочери. Люда молчала, мама тоже ничего не говорила. Она всё время поправляла бинт на ладони. Задумчивая, немного подавленная старушка поглядывала то на огромный царственный тополь, то на куст кудрявой черёмухи.

– Выпейте, – предложила дочь бутылочку минеральной воды.

– Лучше без газов, – заключила Софья Петровна, отдавая бутылку обратно.

– Какая есть, – независимо ответила Люда, будто говоря: «Вечно вам не угодишь!» – В магазине сказали, что в этом году с водой в посёлке проблемы, люди не оставляют ничего.

– Водой не охладить раны, – многозначительно сказала старушка и стала подниматься, ухватившись рукой за перила крыльца. Сделав несколько безуспешных попыток, вновь опустилась на ступень. Беспомощность угнетала. Людмила ушла вперёд, словно забыв, что позади осталась мать. Сумки оттягивали руки, дочь думала о своём, но все-таки оглянулась.

– Могли бы и окрикнуть, – Люда вернулась и помогла встать.

– Ледок, я хочу спросить: меня можно назвать старухой? – невпопад спросила Софья Петровна. Изумлённая дочь буквально остолбенела от такого неудобного вопроса.

«Опять сходит с ума!» – подумала Люда, в голове всплыли выходки с телефоном, голодовки и сегодняшний случай на улице с социальной службой. Взгляд матери был полон любопытства.

– Старуха, мне кажется, это по-пушкински сидящая у разбитого корыта...

– Ты правильно говоришь, – закивала Софья Петровна, – я именно та, сидящая у разбитого корыта.

– К чему этот разговор? – не выдержала Люда и напрямую спросила маму.

– К тому, что моя жизнь давно пуста и меня лучше называть «старухой».

– Я знаю, Вы обижаетесь, мама, но наслаждаетесь давлением на мою психику, пользуетесь тем, что я безропотно выслушиваю жалостливые речи о том, как Вам плохо.

Софья Петровна опять поджала тонкие, бескровные губы.

– Видите, задето Ваше самолюбие, – констатировала очевидное дочь. – Будь Ваша воля, Вы, кажется, ударили бы меня.

– Почему?

– Потому что недостаточно сочувствую, – глядя в слезящиеся глаза Софьи Петровны, сказала Людмила. – Жестокую вещь скажу, но душевные передрыги Ваши – это плод безделья. Займитесь вязанием, чтением книг, ведь Вы же любили читать, начните вышивать, смотрите новости, концерты по телевизору, наконец!

– Безделья? – удивленно переспросила Софья Петровна.

– Именно! – твердо ответила Люда.

Наступило молчание – долгое, тягостное. Людмила подняла с земли дорожные сумки и отправилась дальше. Впереди лежала знакомая, хотя и немного заросшая мелкой гусиной травой тропинка, словно по ней хаживало всё меньше людей. Дорожка будто убегала, старалась скорее скрыться за лесом. И сколько ни пыталась пожилая, едва передвигающаяся учительница догнать её – тропка подразнит, да и скроется то за большим кустом ивняка, то за танцующей берёзой, а Софья Петровна не может дождаться своего дачного домика, виднеющегося издали. Позади остался мостик через Ворчливый ручей. Покосившийся, полуразвалившийся настил было не узнать.

Над зеленью деревьев и кустарников показалась крыша, украшенная узорами. «Ювелирная работа!» – весело говорил Понарин, восхищаясь результатами своего кропотливого труда. Сейчас Софье Петровне не верилось, что такой добротный и красивый домик был построен за несколько лет – в эпоху дефицита. Строил муж тяжело: то нанимал шабашников, то тягал материал сам – до одури, едва не падая от усталости. Он платил каким-то предприимчивым людям, и они присылали кран, платил другим – и они привозили в грузовиках доски. Виктор Альбертович не умел ясно, конкретно разговаривать с людьми. Часто происходили казусы и накладки: то водитель грузовика не находил дачу, то кран уезжал по дороге в какую-то дальнюю деревню, пропуская поворот. Понарин с трудом объяснял работягам, что ему нужно, а те подсмеивались: «Кроме “извините” да “простите” – не понять ни хрена!»

Слабые ноги едва донесли Софью Петровну до старого, но ещё вполне крепкого забора. Дорожка, ведущая к едва держащейся калитке, уже давно заросла бурьяном. Ближе к забору, запутавшись в траве, Софья Петровна оступилась и упала.

– Больше не могу, – обессилено задыхаясь, сказала старушка.

– Ударились? – пробираясь через траву, спросила Люда. Китайская трость лежала недалеко, переломившись надвое. Металл, из которого она была сделана, словно и не металл, а хрупкая, блестящая пластмасса, лопнул от легкого нажима старого человека.

– Ничего, Ледок, я полежу...

– Вставайте, мама.

– Я отдохну.

– Не надо лежать в траве!

Упрямылась Софья Петровна, не хотела вставать. Тяжелые ноги гудели будто окаменевшие. Пот щипал глаза.

– Вам плохо? – пытаясь открыть калитку, встревожилась дочь.

– Всё нормально, отдохну...

– Что за шутки, мама?

– А никто не шутит, хочу отдышаться.

Люда оставила сумки на траве и подошла к лежащей Софье Петровне.

– Мне нужно вернуться сегодня в Москву, понимаете?

– Сейчас, – старуха стала подниматься, но сил не было. Она пыталась пошевелить ногами. – Не могу, последние силы оставили...

Дочь подала Софье Петровне обломок трости. Мама нервно швырнула палку в траву и, пытаясь ухватиться за руку родного человека, медленно, что было сил, начала подниматься. Руки Люды болели от тяжелых сумок.

– Мама, Вы думаете, что я смогу Вас поднять? – спросила Людмила и потащила мать будто из проруби, вытаскивая из травы.

– Как пахнет подсохшим иван-чаем! – заговорила Софья Петровна, едва встав на ноги.

– У меня нет времени, – напомнила Люда, продолжив бороться с непослушной калиткой.

Женщина крутила проволоку, на которую закрывалась дверца, но то ли от измотанности, то ли от желания быстрее уехать в город, Людмила так и не смогла её открыть. Выломав несколько реек, она пролезла на дачу. Только когда оказалась по другую сторону забора, ей стало ясно: проволоку не нужно раскручивать, а всего лишь поднять вверх.

– Балда! – досадуя на себя, выругалась дочь.

Массивная входная дверь в домик, некогда запиравшаяся снаружи навесным замком, оказалась приоткрытой. Косяк был изуродован каким-то тяжелым предметом. Люда вошла в домик и обомлела: мебели не было, посреди комнаты валялись поломанные стулья, от круглого стола, специально привезенного из дома, осталась одна ножка, валяющаяся у лестницы, ведущей на мансарду. Абажур, когда-то придававший уют просторной комнате, теперь лежал в пыли, рядом с разобранным по кирпичикам камином. Но самое обидное – пропал диван и старинный кухонный шкаф. Какой-то хлам был разбросан по комнате, тошнотворно воняло мочой. Люда поднялась на второй этаж. Здесь тоже было пусто. Выломали даже оконную раму. На сыром и грязном полу лежали труды Виктора Альбертовича по математике – тетради с записями, которые напоминали теперь документы времён гражданской войны, пожелтевшие, разлохмаченные и рваные. Они хранились на мансарде в большом книжном шкафу, а теперь, когда всю мебель вытащили, их свалили на пол, изрядно потоптавшись.

Последствия идеи перемещения из дома на дачу тетрадей отца, которая казалась раньше правильным решением, станут новой травмой для матери, когда Софья Петровна увидит состояние тетрадей. Пытаясь разгрузить квартиру от старых вещей, напоминавших старушке о её муже, лет десять назад Людмила уговорила маму перевезти часть трудов на дачу. В те годы Софья Петровна ещё могла посягнуть на вещи Виктора Альбертовича. Она хотела издать его записи отдельным сборником, считая, что эти тетради для потомков, как дневники писа-

теля, – ценное наследие. Никак не доходили руки, всё не было времени сходить в издательство, а потом и вовсе ослабло здоровье Софьи Петровны. Людмилу это не интересовало...

Ещё после смерти Виктора Альбертовича дочь несколько раз принималась читать кое-какие записи отца. Среди математических расчётов Люда однажды наткнулась на размышления о нормах в логике и отклонениях от них. Зелёная тетрадь с вываливающимися пожелтевшими страницами хранила целый философский трактат. «Если говорить о законе противоречия, – писал Виктор Альбертович, – то два противоположных высказывания об одном и том же предмете в одно и то же время, в одном и том же отношении не могут быть одновременно истинными. Однако существует некая иллюзия жизни, в которой находится человек. Вся его жизнь – это и есть противоречие...»

Изучая записи папы, Люда неожиданно расхохоталась. Размышления Виктора Альбертовича показались наивными и даже глупыми. Человек всерьёз рассуждал о чём-то далёком от реальности, от её истинных противоречий. Его иллюзорный мир, в котором Виктор Альбертович жил, был каким-то уродливым, поверхностным и неестественным. Дочь закрыла тетрадь и ещё долго не могла успокоиться. «Какой же ты ребёнок, папочка!» – усмехнулась Люда.

Она открыла другую тетрадь. Среди формул, непонятных и сложных, женщина увидела явную ошибку: в формуле разложения квадратного трёхчлена, между двумя x ками, Виктор Альбертович, видимо, поторопившись, поставил плюс. Дальнейшие выводы были, конечно, неверны. Под выводами формул папа оставил чистую страницу, на обороте которой начиналась запись: «А есть ли истинные выводы? Существуют ли они? С точки зрения математики – существуют. В любом случае, вычисления предполагают степень погрешности, но предполагает ли жизнь такую степень, придуманную человеком для возможности оправдать несостоятельность и никчемность своих суждений в какой-либо сфере? Я говорю вам – нет!» Люда улыбнулась, перевернула страницу, потом другую и продолжила чтение.

«Так же как и в математике, в жизни только мысль имеет продолжение. Равно как я – мужчина, продолжаю жизнь рода, мысль продолжает жизнь...» – прочла Люда. Ей хотелось возразить, не согласиться. «Ах, вот оно что! – в негодовании задумалась женщина. – Это вообще немыслимо! Сексист несчастный! Зачем он всю жизнь создавал видимость, что любит меня, свою единственную дочь? Если он как мужчина – высшее создание, от которого род имеет продолжение, то мы с мамой вовсе ненужный мусор! И эту мерзость пишет математик, человек умный! Какая дикость!» Люда попыталась растерзать тетрадь отца, но толстые корочки не дали разорвать страницы. Выйдя из себя, Понарина швырнула записи. Вывалившиеся листы из тетради упали в другом конце зала.

Кому, кому нужен дрянной мирок Виктора Понарина? Что мы потеряли, когда сей ученый умер прямо на кафедре? Только воздух стал чище! Плохо, когда глупые люди продвигают свои ограниченные суждения, возводят их в степень идеалов. Нашёлся пуп земли! Лучше бы Виктор Понарин не просиживал штаны на кафедре, среди таких же высокомерных идиотов, а ставил опоры электропередач. По крайней мере, из этого вышла бы польза! Философ! Замухрышка-интеллигентшишко, ничего не имевший, кроме манер, поставленной речи, строгого костюмчика на все случаи жизни, да такого же костюмчика для дома.

Дочь понимала, что показывать Софье Петровне домик в таком состоянии нельзя, но и возвращаться в Москву не имело смысла: мать попросту не дойдёт.

– Дом разграблен, – откровенно заговорила Люда, подходя к стоящей у забора старушке.

– Ледок, господи!

– Не волнуйтесь, тетради папы хоть и промокли, но, похоже, целы.

Взволнованной Софье Петровне захотелось взглянуть собственными глазами на домик изнутри. Она суетливо подалась вперёд, забыв, что трость поломалась.

– Я помогу! – подскочила Люда, придерживая мать за руку. Дочь заметила, как старушка, забыв о головокружении и боли в ногах, немного быстрее побрела в сторону входной двери.

– Да что же это такое, а! – запричитала Софья Петровна, едва ступив за порог.

– Правда жизни... – безучастно ответила Людмила, хмурая чёрные, густые брови.

– Неужели это всё делают какие-нибудь мои бывшие ученики?

– Причём тут ученики?

– Я обобщаю, – пояснила старушка, – неужели кто-то из моих учеников мог стать мародером? Разве я воспитывала в них преступников?

– Да, мама, ваши гуманистические проповеди возымели отрицательный эффект, – уколола Люда, которой хотелось бросить вызов идеализму матери. – Думаете, современная просвещённая молодёжь способна сделать подобное?

– А ты видела просвещённых людей среди современной молодёжи? – столь же резко ответила Софья Петровна, отражая натиск дочери.

– Есть, – дала отпор Люда. – Я уверена, что обворовывают и мародёрствуют соседи по даче, именно те, кто вам мило улыбался через забор в восьмидесятые годы, кто был простым советским человеком, семьянином, порядочным и, конечно же, «честным» гражданином.

Видя, что Софья Петровна не слушает, а лишь озирается по сторонам, Люда поняла: мама думает совсем не о разграбленном домике и разросшемся саде.

– На чём спать? – будто обращаясь к самой себе, проговорила старушка. – Сидеть тоже не на чем...

– Да, мама, пришли обычные люди, лица у которых совсем не гангстерские, и вынесли мебель. Вы их не раз встречали в электричке на Москву.

– Надо спросить у соседей, может, у кого-нибудь остались старые, ненужные стулья. Их можно составить в ряд – так получится лежанка, – облокачиваясь о стену с пожелтевшими обоями, сказала старушка.

– Смешно, – заговорила Людмила с нескрываемой ухмылкой на лице, – зайду к соседям и скажу: «Дайте мне ненужный стул?»

– Не «дайте», а «нет ли у вас», – с иронией поправила мать.

– Забыла, это же в корне меняет дело! – продолжала язвить Люда.

Пока Софья Петровна разглядывала каждый угол дачного дома, Людмила вышла на улицу и нашла панцирную, жутко скрипучую, ржавую, но целую кровать. Она лежала в куче строительного мусора, среди битого кирпича и извёстки, в сотне метров от дачи, на повороте. Хлам, по-видимому, свалили недавно – любой ненужной вещи здесь быстро находят применение.

Кровать оказалась хоть и нетяжелой, но Люда не могла её вытащить из кучи. На помощь пришли два парня, шедшие от станции по узкой тропке. Согласились донести находку до дачи и, на удивление, не взяли ни рубля.

Без лишних раздумий Софья Петровна отказалась ехать обратно в город. Не для минутной встречи она прибыла сюда, едва добрела от станции, упала, поломав костыль. Пусть от увиденного ей не стало легче, но теперь старушка успокоилась лишь от того, что дача цела. Пусть она разграблена и заросла – это не беда, главное, есть напоминание о той жизни, давно утраченной и далёкой. Каждое деревце, каждый кустик на даче имеет свою историю, с ними связано многое из жизни скромной московской учительницы. Посмотрит она в сторону одичавшего сада, а на душе радость.

Люда собрала все тетради Виктора Альбертовича и положила их рядом с кроватью.

– Может, стоит попросить кого-нибудь из соседей приглянуть за вами? – спросила дочь, чувствуя, что пора собираться в обратный путь.

– Не стоит, – отмахнулась мать.

– Я приеду к вам завтра, а когда наступит отпуск, стану бывать постоянно.

– Не стоит беспокоиться.

– Чуть не забыла! – опомнилась дочь. – Кое-какие продукты я положила в сумку. Завтра постараюсь купить электроплитку.

– Не нужно.

– Как не нужно?

– Самое главное, я здесь! – блаженно протянула старушка, как говорят дети, укладывающиеся спать после долгого и активного дня.

– Мама, как вы можете так рассуждать! – возмутилась Люда.

– Мне ничего не нужно, – отстранённо проговорила Софья Петровна.

– Знаете, – заметно нервничала дочь, – ваши ноги болят только от одного.

– От чего? – спросила мать.

– Трусите! Ушёл папа, рухнули и вы, стали за прошлое цепляться. Много нитей к настоящему, только вы ни за одну не хватаетесь.

– Потому что у меня всё в прошлом, – тяжело вздохнув, сказала мать в спину уходящей Людмиле.

Ни одна дача поблизости не была ухожена. Соседи не встречались: то ли бросили свои участки, то ли просто умерли. Не к кому обратиться за помощью. Ещё недавно на этих заброшенных, заросших дачах работали старики, а если не работали, то просто приезжали подышать чистым воздухом. Повернув возле строительной свалки, где нашлась кровать, Людмила увидела пожилого мужчину с неухоженной, седой бородой. Он ковырялся в земле за деревьями, плотно закрывающими обзор со стороны тропинки. Человек оказался неприветливым. На просьбу заглядывать к Софье Петровне Люда услышала:

– Нет, не буду!

– Я вам заплачу, – стала настаивать Людмила.

– Я как пошлю вас! – продолжал грубить мужчина. – Думаете, что мне нужны ваши деньги?

– Думаю, да. Иначе вы не выпендривались бы, – спокойно сказала Люда.

– Напрасно вы недооцениваете людей, – опираясь на черенок лопаты, человек стоял не шелохнувшись. – Вы махнёте денежкой, посчитаете, что я вам обязан навек, а сами предоставите счёт, где подробно укажете, что именно я у вас спёр. Да и, подумайте, зачем мне ваша мама? Мне бы кто помог..

Обиженная жестоким отпором, Людмила пошла в сторону станции. Она впервые почувствовала себя беспомощной перед убедительностью человека с длинной седой бородой.

Людя обернулась и увидела, что высокий купол родной шатровой кровли, торчащий из зелени кустов, напоминает огромный, идущий ко дну теплоход. В этом терпящем катастрофу теплоходе осталась мама – немного странная, загадочная, говорящая недомолвками старушка, наотрез отказавшаяся возвращаться домой, в город, который любил её муж и любит она сама.

6

Отыскав кое-какие тряпки и плотный, старый плащ, какие носили ещё в восьмидесятые годы, Софья Петровна постелила себе постель. Ей казалось, что стоит лечь на такую, пусть примитивную лежанку, и она мгновенно уснёт от одолевающей усталости. Панцирная сетка чувствовалась даже сквозь плотную плащовку. Ржавая металлическая кровать скрипела. Не шевелясь, женщина притихла и внимала, как природа воскресает после знойного дня. Впервые за много лет Софья Петровна услышала соловья и голосок овсянки, их пение прерывалось гулом несущихся за лесом составов, звук которых напоминал растревоженный пчелиный улей.

Долго не спалось Софье Петровне. В голову лезли разные мысли. Ей казалось, что в саду кто-то бродит. Шелохнётся трава за окном, а старушка уже прислушивается. Может, ёж шуршит или кошка за полёвками охотится? Свет полной желтой луны ложится на деревья, и тени видны на полу. По движению теней старушка заметила предрассветный ветерок, зашелестела листва за стеной.

Уставшие ноги скрутила ноющая боль, к которой Софья Петровна притерпелась уже и не обращала на неё никакого внимания. Давние они подруги. Старая у них игра: одна убегает, а вторая догоняет. Та, что убегает, будто бежит на месте: нет у неё сил. Зато догоняющая всегда в выигрыше, потому что сил у неё хоть отбавляй. Моложе она Софьи Петровны, дерзкая, вызывающая.

Только под утро уснула старушка. Сон наступил незаметно, будто подстерегал и дождался нужного момента. Привыкшая за ночь к бесконечному грохоту от проходящих вдали поездов, она не слышала теперь ни гудков, ни гулкового шума. Такого крепкого сна не было давно – с дней работы в школе. Разбудил её знакомый голос дочери, немного грудной тембр. Мать вздрогнула от неожиданности и сразу заговорила:

– Ледок!

– Я приехала, – отозвалась дочь.

– Который час? – спросила Софья Петровна, тяжело поворачиваясь на скрипучей кровати.

– Время вечернее. Я с трудом выбралась из Москвы. Скоро в отпуск пойду.

Наступила пауза. Дочери больше нечего было сказать. Уже давно все их разговоры свелись лишь к взаимным претензиям.

– Я же совсем забыла, – Людя резко поднялась и заторопилась к выходу.

Через минуту на пороге дачного домика показались двое мужчин в голубых комбинезонах. Они занесли небольшой холодильник. Суетливая Людмила зашла с двумя большими продуктовыми пакетами. Софья Петровна заметила, что на полу стояли две пятилитровые ёмкости с питьевой водой.

– Зачем всё это? – спросила старушка, стесняясь посторонних.

– Пришлось нанимать машину и грузчиков. Теперь у вас маленький холодильник, электроплитка и чайник.

– Зачем ты тратишь деньги?

– Не привезла вам журнал по учёту моих расходов, забыла! – язвительно отвечала дочь.

– Перестань обижать меня! – попросила мама, беспокожно поскрипывая ржавой лежанкой.

– Хотела купить маленький телевизор, но вспомнила, что вы не одобрите мою расточительность, да и заработок без репетиторства не высок.

– Теперь можешь обучать хоть самого чёрта на дому – меня всё равно не будет.

– Почему чёрта? Скажите лучше что-нибудь покруче: заняться вызовом мертвецов или общением с духами, например.

– Я не удивлюсь, если тебя и на это хватит!

Обычный разговор переходил в скандал. Люда нервно схватила тетрадь отца и начала её листать.

– Теперь всё в твоих руках, доченька. Я больше не помеха, – заговорила Софья Петровна, своим невозмутимым голосом задевая Люду.

– Я могу вас забрать в Москву, вы сами отказались.

– Не надо, – безучастно сказала Софья Петровна, словно потеряв надежду, долго хранимую в душе.

Не подключив холодильник, не проверив его, Людмила молча ушла. Старушка оглядела комнату. От вырванной с корнем проводки остались лишь тёмные следы на освещённой вечерним солнцем стене. Софья Петровна захохотала. В голове не укладывалось неразумие своего дитя. Захотелось позвонить и рассказать Людмиле о напрасности её трудов и затрат. Телефона под рукой не оказалось. Старушка попыталась встать с кровати, но не смогла. Как хотелось пройтись босиком по горячей земле! Неужели это теперь невозможно? Обнять деревья, постоять рядом с гибискусом – любимым кустом Виктора Альбертовича, благоухающим розовыми цветами. Разве это не счастье?! А что стало с беседкой?

Боясь упасть, пожилая учительница ухватилась за шаткую спинку кровати и, едва приподнявшись, рухнула обратно, больно ударившись затылком о стену. В глазах помутнело, невольно потекли слёзы.

– За что мне такая трудная старость? – глядя в грязный, небеленый потолок, спросила Софья Петровна. – Вот я и стала обузой для всех и для себя самой...

После сильного ушиба сил хватило на несколько трудных движений в сторону импровизированной подушки, сделанной из старых, пахнущих плесенью тряпок.

«Лучше бы привезла подушку и постельное бельё, чем покупать никому не нужный холодильник и плитку, – рассуждала старая женщина, мысленно ругая недальновидную и незадачливую дочь. – Чайник купила, а кружку – нет!»

Устроившись поудобнее, Софья Петровна почувствовала головокружение. Она закрыла глаза и поняла, что к горлу подступает тошнота. За окном кто-то прошёл. Старуха содрогнулась и открыла глаза. В дверях показался немолодой мужчина в рваной футболке с дыркой на животе. Неопрятная седая борода напоминала большую сосульку, свисающую с подбородка.

– Вы кто? – обеспокоенно спросила Софья Петровна.

– Не переживайте, я сосед. Живу неподалёку.

– Что вам нужно?

– Да мне-то ничего, это вам, может, чего?

– И мне ничего, – недоумевала старушка.

– Ну и хорошо, – сказал бородач и стал уходить.

– Пойдите! Помогите мне отыскать телефон.

Человек молча подошел к нераспакованным сумкам и спросил:

– Здесь?

– Да, – растерянно ответила Софья Петровна, чувствуя сильный запах пота.

Мужчина долго копошился в вещах. Это не понравилось хозяйке.

– Что вы там ищете?

– Телефон, – невозмутимо ответил человек.

– Что там можно так долго искать? – волновалась Софья Петровна.

– Телефон...

Незнакомец достал нужную вещь и протянул ей.

– Эта вещь? – спросил бородач. – Заявление в полицию не подадите?

– Зачем?

– Ну как! Мало ли, знаю я вас... Вчера родственница ко мне подходила...

– Чья? – не поняла старушка.

– Моя!

– И что?

– Говорит: «Приглядите».

– За кем?

– За мной! Вы что, с другой планеты?

– А-а, Люда! Дочка моя?

– Наверно. Что же вы её так плохо воспитали? Она думает, что всё можно купить за деньги? Пришла, и давай копейки показывать! На черта они мне – рублишки те. Лучше бы бутылку купила...

– Выпиваете? – поинтересовалась старушка.

– Ну, бабка! – удивился бородач, присаживаясь на корточки у стены. – Как же без водки! Что мне делать здесь, убогому?

– Работать...

– Хватает мне работы, хозяева загружают.

– Вы у кого-то живёте?

– Освободился два года назад. Родных нет, вот и приткнулся, – объяснял бородач. – Летом помогаю на даче одним старичкам, там и живу. Нанимаюсь копать у соседей, потом их же и обворовываю – у кого пригляну чего, то и ташу...

– Зачем?

– Скука, – спокойно отвечал человек.

– Интересный вы какой-то...

– Такой же, как и вы. Сам не знаю, что хочу.

– Мою дачу тоже обворовали?

– Заходил. У вас поживиться нечем. Всё украдено до меня. Тетради эти... кому они нужны.

– Мне, – твёрдо ответила Софья Петровна.

– Вот и сидите с ними, а мне нужно другое, – сказал незнакомец, вытягивая руки вперёд на согнутых коленях.

– К примеру? – полюбопытствовала старушка.

– К примеру, дают мне деньги и говорят: «Пригляди!» Разве это интересно? Интереснее, когда ты приглядываешь бесплатно, а за это тебе бутылку ставят.

– Не бойтесь, что я вас сдам?

– Нет. Не сдадите, бабуня, – нагло смотрел человек в глаза собеседнице, – во-первых, докажите, а во-вторых, вы же не враг себе. Вы сидите на этой дряхлой кровати только потому, что я её не уволок со свалки. Этот домик стоит только потому, что я его не загнал на кирпичи, и вообще, я же понимаю, почему ко мне подошла ваша дочура...

– Почему? – поощрила откровенность гостя старушка, не сводя глаз со вчерашнего заключённого.

– Время ваше пришло, верно? Видать, нервы вы ей так помотали, что она вас поселила без удобств – как хочешь, так и выкручивайся.

Софья Петровна опустила взгляд, стыдливо перебирая тесёмочку на какой-то тряпке, лежащей под ней.

– Вот так, – невозмутимо говорил бородатый. – У вас хоть ваша дочь есть, а мне и вовсе помирать в колодце.

– Не выдумывай, – сказала старушка, неожиданно перейдя на «ты».

– Кстати, меня зовут Евгением Василischem, – представился человек и протянул руку. – Если что, зовите. К вам приду, даже не потребую бутылку, ветеранам у нас скидки.

В Евгении Васильевиче было что-то, внушающее доверие. Непосредственность и кажущаяся простота располагали к более непринуждённому общению.

В прошлом уголовник, а ныне наёмный работник, Евгений Васильевич Гусельников всю свою жизнь провёл в разных тюрьмах и колониях. Освобождаясь в очередной раз, вечный скиталец и узник ломал голову, куда же теперь податься. Родных не было, мать и отец умерли давно, на воле его никто не ждал. Возвращение в тюрьму для Гуся, как прозвали его ещё во время первой отсидки, было делом привычным. Работать он не умел, да и не хотел. Отсидев последний срок, Гусь решил поселиться подальше от больших населённых пунктов. Местом, где он родился, была Москва, и поэтому Евгений Васильевич, недолго раздумывая, выбрал пригород на Киевском направлении. Гусельников стал устраиваться к дачникам. Украв хорошую лопату, он занимался копкой вручную. Пенсионеры, не очень доверяющие культиваторам, охотно соглашались на услуги Евгения. Со стариков Гусь брал суммы небольшие. Покопает немного и, получив «аванс», приходит только на следующий день. Хитрый и умеющий втереться в доверие, Гусельников вскоре затесался к одной пожилой семейной паре. Люди доверили ему дачный домик. Евгений копал, помогал полоть картошку и строил забор на том участке, где жил. Хозяева дачи кормили своего работника и даже разрешили Гусельникову зимовать у себя на даче. Евгений старался не подвести пожилых людей: оставил целыми домик, баню и сарай – не спалил за зиму и не продал

на дрова в соседнюю деревню. Правда, не смог удержаться – и хозяйская «Лада Гранта» осталась без двух летних покрышек, которые он загнал. Весной, когда старик-хозяин их спохватился, Евгений Васильевич, сделав страдальческую физиономию, объяснил:

– Я это... вы это... денег-то не оставили, а мне жить... это... не на что, ну и...

Старики его простили, правда, дед оставил своего работника без «зарплаты» месяца на два. Евгений сильно обиделся, собирался даже уйти, но, поразмыслив решил всё же остаться.

В окрестностях Евгений старался не воровать (тащил только в исключительных случаях – когда ценные вещи лежали на виду, например, электрорубанок, забытый соседом на веранде, или рубероид, мокший неделю под дождём). У соседей он воровал, как сам объяснял, в «воспитательных целях»: не будут оставлять! Если и пытался утащить что-то с ближних дач, то это были брошенные участки. Зимой Гусь разбирал домики на таких дачах не один. Жители ближней деревни устраивали настоящие налёты на покинутые дачи: приезжали на тракторах, машинах, санях – на чём только вздумается, и забирали кирпич, доски, шифер, блоки. Лишь за одну зиму дачный посёлок лишился около пятидесяти брошенных домиков, кладовок, сараев, бань и даже туалетов. Дача Софьи Петровны чудом уцелела: эта крыша виднелась издали, её было видно даже за лесом, с железнодорожной насыпи. Погромщики не стали рисковать, оставили самый высокий дом в покое.

Весной, когда дачники увидели одни руины, оставшиеся от соседних владений, Гусь занялся самобичеванием. На недоумённые возгласы людей «где соседский сарай?» Евгений возмущенно орал:

– Деревенские приехали кто на чём – и давай тащить! Я поначалу выходил, гонял их, а потом они мне пригрозили: «Вякать будешь – убьём!» Мне надо было, дураку, заявление написать, только я же первый под подозрение и попаду.

Когда бомбили дачи, Гусельников познакомился с двумя молодыми пареньками. Тот, что помладше, Женя, учился в медицинском институте в Москве. Мать платила деньги, как могла заставляла его учиться, но сам Женя стремился занять совсем другую нишу в жизни: его манил мир криминала, разборок и наживы. В кругу полууголовников и сверстников, воспитанных улицей, Женя Казанцев быстро усвоил жаргон, моральные установки и принципы поведения бывших заключённых, слушал музыку, которая вдохновляла его своей уголовной романтикой. Он с наслаждением напевал что-то вроде: «Я прошёл Сибирь, в лаптях обутый...» Конечно, Женя ещё не успел «пройти Сибирь», но был на пути к манившей его стезе.

Паренёк был родом из Апрелевки. В Москве жил в общежитии института, регулярно брал академический отпуск якобы по болезни, а на самом деле по неуспеваемости и из-за пропусков ему грозило отчисление. Обеспокоенная мать, растившая Женю одна, приезжала в столицу, договаривалась с преподавателями, заведующим кафедрой и ректором – и Жене давали «второй шанс». Терпение у работников института могло лопнуть в любой момент. Получив новый «второй шанс», Женя, проклиная судьбу и ругая седую от бесконечных проблем маму, с убитым видом шёл на лекции. Хуже всего Казанцеву давались химия и математика. Мать заставила найти репетитора по математике, регулярно отсылала сыну деньги, которые успешно шли совсем на другое: их он пропивал и проигрывал в карты.

Квартира репетитора по математике Жене понравилась сразу. Там было много всякого хлама: книги, которые даром ему не нужны, телевизор, видимо, недавно купленный, большой и современный, шубейка, болтающаяся в прихожей. Но самое интересное у репетитора в квартире – икона, большая, заманчивая, в золотой рамке, пылящаяся в зале.

Женя думал недолго. Он заметил, что старуха, которая живёт в квартире Понариной (скорее всего, мамаша), очень беспокойная: швыряет какие-то вещи грохочет, то плачет, то смеётся. Людмила Викторовна к ней частенько выходит. Этими отлучками и решил воспользоваться Казанцев.

Придя очередной раз к репетитору, Женя оставил своего друга Дэнчика в подъезде. Дэнчик, он же Гвоздь, он же Костыль, не брезговал никакими делами. Человек без биографии, получивший прозвище Гвоздь за худобу и сутулость, Денис Павлухин воспитывался у бабушки. Нигде не учился, нигде не работал. Родная мать оставила сына, когда Денису было полтора года. Сама уехала в Питер, где и сгорела от наркотиков. Бабушка воспитывала Дениса как могла, точнее, его воспитала улица. Павлухин украл все накопления своей бабки, а это без малого пятьсот тысяч, за что она его и выгнала. Дэнчик промышлял мелким воровством, знал, как лучше сбыть краденое. Дружки вместе пропивали деньги. Новый приятель Женя Гусь, живущий на дачах по киевскому направлению, мог помочь толкнуть икону, которая приглянулась другому Жене – Казанцеву.

Беседа с бородатым соседом, Софья Петровна даже не успела заметить, как подкралась ночь. За лесом то и дело мерцала молния. Раскатистый гром бухал как сильные удары об огромную металлическую ёмкость. В Москве Софье Петровне грозы казались чем-то романтическим, особенно в пору юности. Она любила смотреть из окна на огненные вспышки, вдыхая сладостный аромат дождя после душных летних полдней.

Совсем иной воспринималась гроза сегодня – чем-то зловещим, наполненным тревогой. Молния будто не решалась выйти из-за леса, а старалась подглядывать за старухой, спрятавшейся в самом высоком домике в округе, своим желтоватым подмигиванием. Мерный шум электричек напоминал Софье Петровне, что она не одна и где-то есть люди, которые не знают, что за лесом, отделяющим дачный посёлок от железной дороги, в пустом домике лежит она – Софья Понарина. Вдобавок в посёлке живёт какой-то бывший зек – странный, своеобразный гражданин с замашками Юрия Деточкина. Про него можно сказать словами Олега Ефремова: «Он виноват, но он не виноват!» Хотя, мало ли что можно наговорить беспомощной старухе.

Поднялся ветер, он пронёсся по дикому саду, и тени деревьев стали двигаться. Неожиданно хрустнула ветка, зашелестела трава, будто кто-то спрыгнул с дерева. На ум Софье Петровне пришли слова Арсения Тарковского, прочитанного ею впервые в конце восьмидесятых, когда запрещенная и неизвестная советскому читателю литература стала обнаруживаться:

Где чёрный ветер, как налётчик,
Поёт на языке блатном,
Проходит путевой обходчик,
Во всей степи один с огнём...

Светло-желтые вспышки разрезали небо неровной, ветвистой линией, похожей на голые ветки. Гроза быстро приближалась. Оглушительный гром с треском прокатился по небу. Вслед за порывом ветра хлынул дождь, похожий на шаги крадущихся за окном людей. Софьей Петровной овладел ужас. Ей казалось, что уголовник со своей бандой, сколоченной из таких же, как и он, странных, нагловатых людей, готов ворваться к старушке в комнату и убить её.

– Уйдите! – вскрикнула Софья Петровна и расплакалась навзрыд, поверив что за окном кто-то есть.

Всполохи заглядывали в домик. Гром бил так часто, что казался адским оркестром, в котором лишь один инструмент – огромный барабан. Кроны дачных деревьев пригибались от ветра. Софья Петровна вспомнила, что в Москве осталась её икона. Как можно было оставить такую нужную вещь, спасительницу? Почему Люда не привезла её сегодня с собой? Старушка начала молиться. Она придумывала слова, и от них в душе наступало успокоение. Удары грома стали редкими. Гроза ушла. Сквозь стихающий дождь был отчётливо слышен звук проходящего поезда – самого первого после ночного кошмара. Где-то запела камышовка, её трель сменялась выкриками и посвистом.

Измождённая и обессиленная Софья Петровна долго не могла прийти в себя. Робкие лучи солнца заблестели на омытой дождём листве. Природа радовалась наступлению ласкового и безмятежного утра. Будто и не было ночной бури.

Жажда овладела старушкой, нестерпимая, мучительная. Ухватившись за спинку надоевшей, неудобной кровати, Софья Петровна вновь попыталась подняться. Несмотря на лёгкое головокружение, она сделала несколько шаркающих шагов. Держаться было не за что. Бутыль с водой стояла под ногами. Старушка попыталась открыть пластиковый сосуд. Крышка не поддавалась: не было сил её повернуть. Стараясь ухватиться за неудобную ручку своими неуклюжими пальцами, Софья Петровна не удержала пятилитровку, и она упала. Вода стала капать прямо на грязный, пыльный, местами изодранный паркет. Чувство досады заставило беспомощно расплакаться. От надрывных слёз легче не становилось. Опираясь о стену, она с трудом добрела к выходу. Ступив за порог, оказалась среди деревьев и кустарников, многие из которых превратились в сухие палки. Яблони уже не плодоносили, за годы одичали.

Рассматривая каждое деревце, старушка пыталась достать его историю из самых потаённых уголков памяти. В голову приходили только какие-то трудности, связанные с садом. Как-то осенью Виктор Альбертович попросил знакомого перевезти урожай ранеток на рынок для продажи. В Москву везти не стали, решили почему-то в Серпухов. Понарин договорился с дирекцией рынка, но стоило выехать на трассу, как машину остановила автоинспекция. Полный прицеп ранеток принёс много неприятностей. Знакомого обвинили едва ли не в краже совхозного имущества и чуть не отправили автомобиль на штрафстоянку. Много сил было потрачено, чтобы выволить товар. А когда всё же у милиции ранетки забрали, Виктор Альбертович из чувства протеста против абсурдных законов вывалил содержимое прицепа в какой-то овраг.

Пытаясь взглядом отыскать беседку, Софья Петровна поняла, что её разобрали. За несколько лет бесхозности изменилось многое, но ещё больше изменений произошло за эти девятнадцать долгих лет. Надо было всего-то приезжать сюда хотя бы изредка. Растения чувствуют заботу и благодарны людям – цветением

и урожаем воздают за труд, отвечают на добро. Легко уничтожить такой сад: бери топор да пилу и вперёд, но посадить и выходить намного сложнее. Каждое деревце – живое создание со своим характером. Хороший хозяин знает нравы каждого кустика. Найдёт общий язык с новыми саженцами – будет дерево радовать плодами, а если нет – то ничего не выйдет, растение погибнет.

7

Не успела Софья Петровна оглядеть свою заброшенную дачу, как увидела за забором Евгения Васильевича. Седая борода мужчины торчала в разные стороны. Он шел с молодым человеком, лицо которого показалось знакомым. Где она видела этого статного, хорошо сложенного юношу в джинсовке с модными нашивками? Заметив Софью Петровну, Евгений Васильевич приветливо махнул рукой и поспешил дальше. Медленно пытаюсь зайти обратно в домик, старушка услышала шелест высокой травы: по даче кто-то шел.

– Я вот что подумал, бабуня! – бодро заговорил немного хриловатым голосом бородач, сразу перейдя на «ты», как старый знакомый. – Может, тебе телевизор организовать?

– Зачем? – спросила Софья Петровна. – Электричества всё равно нет.

– Проблема что ли кинуть провод, – спокойно сказал Евгений Васильевич, помогая старушке добрести до кровати. – Кстати, я нашёл тебе, бабунька, матрас. Слушай, а может, тебе кровать-развалюху заменить на удобный диван?

– Не надо мне ничего, – твёрдо ответила старушка. – Ворованное, небось?

– Общественное...

– Не надо мне твоего «общественного».

– Зря, за железной дорогой, в деревне, прямо на улице стоит диван.

– Что, никому не нужен?

– Ты что думаешь, деревня бедствует? – вопросом на вопрос отозвался собеседник.

– А телевизор откуда взял? Ведь предлагаешь?

– Хозяева привезли, – почесывая грязноватые волосы, проговорил Евгений Васильевич. – Мне-то зачем роскошь? Я заработаю, а тебе во временное пользование отдам.

– Точно не ворованное? – подозрительно спросила Софья Петровна.

– Точно, бабунь, честное пионерское! – вытянулся Евгений Васильевич, вскинув над головой грязную ладонь, и поспешно ушёл.

Через час на даче появился Евгений Васильевич с каким-то коротко стриженным, худощавым парнем, одетым в тёмный спортивный костюм. С ними зашел молодой человек в модной джинсовке. От мужчин шел густой запах спиртного. Они притащили большой, современный, плоский телевизор. Парни всё делали молча: поставили телевизор на принесённую с собой тумбочку. Пусть полировка на ней местами отбита и вид её непригляден – ничего, какая есть. Тот, что в джинсовой куртке, долго смотрел на Софью Петровну, припоминая, что откуда-то её знает. Старушка и сама не могла сообразить, где видела симпатичного молодого человека. Евгений Васильевич принёс обмотанный изолентой, дряхлый провод и принялся прилаживать его, то и дело с досадой матерясь. Мужчины обсуждали, как лучше бросить провод, чтобы его не было заметно за деревом. Софья Петровна

догадалась: электричество собираются воровать у дачного общества. Старушка хотела отказаться от телевизора, но так и не осмелилась возразить. Евгений Васильевич принёс антенну и принялся настраивать каналы. Молодых ребят уже не было. Они старались не попадаться Софье Петровне на глаза.

– Откуда это всё? – спросила старушка.

– Подожди, бабуня, сейчас ещё принесём тебе диван.

– А кто эти парни? – любопытствовала Софья Петровна.

– Так... люди... – неопределенно выразился сосед по даче, возясь с каналами.

Диван принесли минут через сорок. Мягкий, с высокой спинкой, сделанный полукругом. Его занесли частями и, собрав, переложили Софью Петровну на новое место. Обрадованная старушка всё поглядывала на паренька в джинсовке.

– Здравствуйте! – поздоровалась Понарина, наконец-то узнав в молодом человеке ученика своей дочери Люды. Он был в их московской квартире несколько раз.

– Здравсьте, – отозвался юноша и поспешил уйти. Софья Петровна удивилась компании, в которой он находился. Что может быть общего у студента, кажется, медицинского института с бывшим заключённым Евгением Васильевичем, живущим на подмосковной даче?

– Бабуня, у меня просьба, – деловито заговорил Евгений Васильевич. – Есть пара вещей, которые надо бы сохранить...

– Э! – паренёк в спортивном костюме позвал приятеля. Не договорив, Евгений вышел. Они долго перешептывались между собой и потом куда-то ушли, так и не зайдя в дом.

«Такой же у нас в Москве», – подумала Софья Петровна, поглядывая на телевизор.

Софья Петровна хотела позвонить Людмиле: не случилось ли чего... Телефон оказался разряжен. От волнения и подспудной тревоги есть не хотелось. Вот уже несколько дней, как старшая Понарина осталась на даче, питалась от случая к случаю, несмотря на полные пакеты купленных дочерью полуфабрикатов.

С наступлением сумерек она не стала выключать телевизор, хотя передачи почти не шли: антенна плохо ловила сигнал. Сон пришел быстро. Видимо, от усталости и пережитых эмоций старушка уснула крепко. Пробудилась от какой-то возни в комнате. Два силуэта копошились в темноте. Перепуганная Софья Петровна вскрикнула:

– Кто здесь?!

– Молчи, старая дура! – отозвался некто. Худощавые, злые люди подхватили уже отключенный телевизор и вынесли его на улицу. Потом принялись вытаскивать холодильник, привезённый дочерью.

– Холодильник мой, не берите! – возмутилась старушка.

– Заткнись, сука! – наклонился один, обдав Софью Петровну тяжелым запахом изо рта – вонью больных, изъеденных кариесом зубов вперемешку с запахом спиртного. – Будешь базлать – закопаю в этом огороде!

Маленькие глаза, искривлённый в злобе рот, короткая, под машинку, стрижка – Софья Петровна узнала помощников Евгения Васильевича. Молодые люди были сильно пьяны. Второй парень был уже не в джинсовке, на нём виднелась тёплая кофта под горло. Понарина успела схватить наклонившегося парня за ворот олимпийки, но получила удар кулаком в лицо.

– Уйдите! – крикнула Софья Петровна. От выброса адреналина ее силы удесятерились, и она ударила правой ногой прямо в пах дебоширу.

– Ах ты, мочалка драная! – гаркнул от боли человек и повалил Софью Петровну с дивана на пол. Он взял с пола тумбочку, на которой стоял телевизор, и с размаху швырнул её в лежащую на полу женщину. Удар пришелся в руку. Отскочив, тумбочка острым углом пробила кожу на лице. Потекла кровь.

– Помогите! – хрипела Софья Петровна.

– Ведьма! – приговаривал отморозок, наваливаясь на жертву. Софья Петровна вцепилась парню в лицо сильными и цепкими от ужаса пальцами.

– Отпусти, сука! – прошипел беспредельщик, пытаясь вырваться. Он ударил Софью Петровну в бок, та взвизгнула.

Под рукой оказался стул. Парень шарахнул стул об пол так, что в руке у него осталась одна ножка. Отлетевшее сиденье попало в окно, осколки битого стекла рассыпались по комнате.

– Ты вообще больной что ли? – заметно испугавшись, спросил ученик Люды и вышел из домика.

– Ментам заявишь – найду и грохну, поняла, хрычовка? – спросил гнусавый, снова обдав Софью Петровну вонью изо рта. – Поняла меня?!

– П-п-поня-л-ла! – лишь произнесла перепуганная старушка.

Всё закончилось. Через разбитое стекло ещё отчётливее слышались теперь звуки поездов. В чёрном небе, где-то за лесом, мерцали зарницы. Грома не было. Вдалеке пела зарянка.

Потрясённая случившимся, Софья Петровна впала в забытие, граничащее с безумием.

8

Сонный и безучастный лейтенантик в дежурной части, цедя сквозь зубы, посоветовал обратиться с заявлением в другое отделение:

– Всё равно дело будем туда передавать.

Он глядел в монитор компьютера, не обращая внимания на Люду.

– Примите у меня заявление! – настаивала Людмила.

– О чём?

– О краже!

– О какой краже?

– У меня дома!

– Когда?

– Два дня назад.

– Женщина, вы нормальная? – недоумевал полицейский, серьёзно глядя пустыми глазами. – Вы не могли прийти к нам через полгода?

– Какая разница, когда к вам пришли, вы должны принять заявление!

Недовольный лейтенант кому-то позвонил. Через минуту за решётчатой стеной, отделяющей фойе от гражданского мира, появилась девушка лет тридцати, клацнул электрический засов, и Люду провели. На каждом этаже возле лестницы стоял полицейский с автоматом.

– Что произошло? – спросила девушка, присаживаясь в своём кабинете за компьютер. Было очевидно, что тут не до Люды с её кражей. Экран монитора заполняли жуткие фотографии: голая девушка безобразно висела в петле, полураз-

ложившийся труп виднелся из вороха опавшей листвы... Людмила почувствовала ничтожность своего дела. Подумаешь, кража! Никого же не убили, все живы!

Понарина рассказала о случившемся.

– Пройдёмте к начальнику, – выслушав обстоятельства дела, сказала сотрудница отделения.

В просторном, но неухоженном кабинете, пахнувшем казёнщиной, Людмиле пришлось все заново пересказывать. Лысоватый, постоянно отрыгивающий подполковник недовольно выслушал ее и проговорил:

– А от нас вам что надо?

– Приём заявления.

– Все следы затёрты, затоптаны...

– Я ничего не трогала, и в доме после кражи никого больше не было.

– Составим фоторобот на вашего ученика, может, всплывал где...

Подполковника, видимо, мучила изжога: он часто глотал слюну и прерывисто говорил, распространяя запах не то копчёной колбасы, не то копчёного мяса.

– Займись этим, – безучастно и лениво приказал подполковник симпатичной девушке-капитану.

Хотя в полиции и приняли заявление, но Люда не верила, что преступника будут искать. Обращение в органы превращалось на глазах в долгую бумажную волокиту. Уголовное дело возбудили и стали забрасывать Люду письмами, в которых чаще всего встречалось не к месту упоминаемое выражение «процессуальное решение». Письма были канцелярскими отписками. Ни дороговизна украденной бытовой техники, ни даже раритетная икона (это не факт, как сказала капитанша) не заставили оживить следствие.

Душу дочери мучили два совершенно разных, противоположных чувства. С одной стороны, это было необычное для нее чувство вины от того, что она что-то делает неправильно. Мать далеко от дома, скорее всего, думает о сложных взаимоотношениях с Людой, ожесточается и не может объяснить себе, почему дочь её не понимает. А с другой стороны, мама сама довела себя до состояния опустошенности и стала едва ли не спекулировать своим одиночеством. Теперь, когда Софья Петровна отсутствовала, Людмила отдыхала. Выйдя в отпуск, она не спешила ехать на дачу, хотя осознавала, что продукты у матери, должно быть, закончились. Женщине всё время мешали разные обстоятельства. Она только настраивалась на поездку, но снова не получалось: то вызывали в полицию, то назначались встречи.

Давний приятель из числа тех, кому Люда когда-то дарила свои ласки, узнал о проблеме в доме Понариных. Людмила сама ему позвонила. Она отыскала старую, с загнутыми страницами, записную книжку, где на последнем листе бледными чернилами был записан номер мобильного. К счастью, за долгие годы телефон не изменился. Алексей Сергеевич Гребенников хорошо относился к Софье Петровне. Зная, что Гребенников не откажет в помощи, Люда пригласила его к себе домой.

И вот он приехал, порядочный, серьёзный, пятидесятилетний, на стареньком «Вольво». Когда-то, в начале двухтысячных, Алексей изменил жизнь учительницы. Высокий, с большим животом, он и теперь внушал уверенность. В нём было что-то, чего женщина давно не встречала в мужчинах, а главное, он обещал найти икону Богородицы. У него было много знакомых в полиции, даже пару раз

кому-то звонил, пока сидел в доме Понариных. Алексей работал заведующим отделения хирургии в больнице имени Юдина. Доктор Гребенников пользовался уважением у многих людей.

– Надо написать заявление в прокуратуру, – говорил он, посоветовавшись со своими знакомыми.

– Что толку?

– Начнутся проверки полиции прокуратурой, дело не оставят.

– Им всё равно, – не верила Людмила.

– Конечно, потому что ты сама не интересуешься ведением расследования! – повышал голос Алексей, нервно расхаживая по кухне. – Вызвали в отделение – хорошо, не вызвали – ещё лучше. Так нельзя, понимаешь?

– А как надо? Научи! – огрызнулась женщина, нарезая хлеб.

После такого разговора Люда задавалась вопросом: что могло быть общего между ними – такими разными людьми? А когда-то Люда находилась в состоянии эйфории рядом с ним, ощущала себя женщиной, нужной и любимой. Теперь же Алексей казался Людмиле разгаданным кроссвордом.

Познакомились они совершенно случайно, когда Гребенников пытался снять квартиру в Наро-Фоминске. Он развелся с женой Вероникой. Совместное имущество Алексей оставил детям – дочерям Лере и Маргарите. Бывшая жена грезилась Европой, мечтала уехать из холодной и неприветливой России, считала, что Лёша как очень талантливый врач мог бы устроиться работать в любой клинике Германии или Швейцарии. Алексей в начале двухтысячных получил должность заведующего хирургическим отделением и не собирался менять место жительства. Его жена всё-таки продала квартиру, дачу и машину и уехала во Францию, в город Реймс. Гребенников собирался взять ипотеку, чтобы купить себе жильё. Большую часть зарплаты он тратил на дочерей – высылал им деньги, потому что бывшая жена во Франции жила очень бедно, не имела гражданства, работала где придётся. Алексей знал, что её привычка жить на широкую ногу обернулась большими тратами. Гребенников решил на время снять квартиру в Подмосковье. Ради дочерей он был готов на всё, даже ездить ежедневно на работу из Наро-Фоминска в Москву.

Как-то раз, наткнувшись на объявление Люды, которая уже уволилась из школы в Наро-Фоминске и устроилась в столице, Алексей решил посмотреть съёмную квартиру. Изящная, симпатичная, кареглазая хозяйка держалась интеллигентно. Недавно расставшийся с женой Гребенников не обращал тогда внимания на неуместные шуточки Люды, на её язвительные замечания. Людмила ему понравилась внешне. Он снял квартиру, которая вскоре стала не просто жильём, но и квартирой для их встреч. Долгое время жившая без мужчины, Понарина не могла и трех дней продержаться без свидания. Алексей Сергеевич даже стал побаиваться ненасытной женщины, которая выжимала из него энергию так, что доктор приходил на работу по утрам, как после ночной смены. А Люда ехала в Москву умиротворённая и улыбающаяся.

Люда познакомила Алексея с мамой. Спокойная и добрая Софья Петровна поразила Гребенникова знанием творчества Арсения Тарковского. Пенсионерка невзначай упомянула стихотворение «В дороге» и начала интересно рассказывать о каждом слове, каждом обороте и образе стихотворения:

– Смотрите, как автор опирается на эту чудесную звукопись, где «о» и «ж» служат узелком, и в смысловом плане она завязана со всей канвой стихотворения, поддерживая восторженность автора, вот послушайте:

Есть в рельсах железнодорожных
Пророческий и смутный зов
Благословенных, невозможных,
Не спящих ночью городов.

И осторожно, как художник,
Следит проезжий за огнём,
Покуда железнодорожник
Не пропадёт в краю степном...

– Что-то таинственное есть в этих стихах! – примечал Алексей Сергеевич.
– Вот именно! – поддерживала мама Людмилы, находя в собеседнике родственную душу. Гребенников восхищался умом Софьи Петровны, говорил Людмиле о том, какая у неё замечательная мама.

Люда нервничала:

– Никакого ума я в ней не вижу!

– Это ещё почему? – не понимая, спрашивал Гребенников. – Начитанная, думающая прогрессивно...

– Ну, знаешь, Лёша, начетничество не показатель ума!

Алексей удивился в тот день, он почувствовал какое-то соперничество между дочерью и матерью. После разговора с Софьей Петровной доктор мечтал ещё пообщаться с умной женщиной, но Люда больше не допускала встреч, наполненных беседами о писателях и литературе.

Отношения между Алексеем и Людой были недолгими, через полгода случился скандал, как неожиданная буря. Софья Петровна тогда заболела гриппом. Гребенников хотел помочь пожилой женщине, купил фруктов, таблеток и отправился на Новоперелюбскую улицу. Пятиминутное общение с Софьей Петровной на тему плохой осенней погоды завершилось мучительным и неприятным разговором с Людой.

– Я спрашиваю, зачем ты приезжал к маме? – раздраженно говорила Людмила, сидя в машине Алексея. За окном лил холодный дождь, на лобовое стекло падали желтые дубовые листья. В машине играла тихая и грустная музыка Мишеля Леграна.

– Что за допрос? – удивлялся Гребенников, глядя на капли дождя на стекле. – Я привёз продукты и лекарства, только и всего.

– Лёша, пожалуйста, не надо больше приезжать, тем более без моего ведома!

– Почему?

– Потом, после твоего посещения, я не могу спокойно ходить по квартире. «Какой удивительный мужчина!» – бесконечные разговоры только о тебе.

– Ревнуешь? – улыбнулся доктор.

– Да с чего ты решил?

– Тогда почему ты не разрешаешь бывать у вас дома?

– Лёша, вдруг мы не станем общаться дальше? Поймём, что отношения нам не нужны? – говорила Люда, всё больше горячась. – Что тогда? Как я объясню отсутствие «удивительного мужчины»?

– Найдёшь, что сказать, – спокойно отвечал Лёша.

– Думаю, мы с тобой договорились! – твёрдо заключила Понарина. – Десять раз повторять не собираюсь!

– Странные у вас взаимоотношения.

– Нормальные, нечего разевать рот на чужой каравай! – высказалась дочь о матери.

– Ты что, всерьёз ревнуешь Софью Петровну?

– Лёша! – закричала Люда. – Повторяю для идиотов: нечего возить ей фрукты и разговаривать о книжках, которые мне за всю жизнь надоели так, что я готова их выкинуть или сжечь!

– Спасибо на добром слове! – обидевшись, ответил Гребенников. – Идиотом меня ещё не называли.

Люда не смутилась от сказанного и, ещё больше выходя из себя, продолжила:

– Мне надоели твои тёпленькие отношения с мамой! Она не видит людей за своими книгами! Чехова читает – значит, хороший человек, если вообще ничего не читает – плохой!

– Получается, что я могу быть плохим человеком, а мама твоя об этом не догадывается?

– Не начинай! – нервничала Люда.

– Зачем тогда ты меня знакомила с ней? – не уступал Лёша.

– Дура была!

– Ах, вон как!

– Да, – рубила сгоряча Людмила, – мне надо было просто мужика, но не чёртового литератора! У меня есть дома литераторша, второго я не вытерплю!

– Надо было так и говорить: будем встречаться ради физиологии.

– Да мне и ради физиологии ты не нужен! Мне нужно нечто большее, я хочу... – потупившись, не договорила Люда.

– Извини, я не жеребец и не бык для удовлетворения животных страстей! – уже не слушал её Алексей.

– Ну и пошёл к чёрту! – Люда выскочила из машины прямо под проливной дождь и даже не захлопнула дверь. Понарина хотела сказать совсем другое: Лёша нужен ей как будущий муж, как человек, на которого можно положиться, как опора. Малообщительная, немного замкнутая, Людмила попросту неправильно выразилась, вот Алексей Сергеевич и не понял, что она вообще хотела сказать.

Люда ушла. Алексей потерянно сидел в своём «Вольво». По крыше стучал нудный дождь. На переднее стекло рядом с желтыми дубовыми неожиданно упал красный рябиновый лист. Автомобильный проигрыватель терзал душу саксофоном Леграна...

Прошла неделя, как дочь не навещала родную мать. Софья Петровна почти ничего не ела. Она забывала о еде. Полуфабрикаты высыпались из пакета. Упаковку с нарезанным хлебом старуха разгрызла остатками зубов, металлическую

банку с килькой открывала ударами о деревянный подоконник, пока не вытек томат. С ведром для помоев она не могла справиться, всё время роняла – и поэтому стала ходить в туалет прямо в угол. На полу вместе с продуктами лежали осколки битого стекла. Там же валялся провод, оторванный дружками Евгения Васильевича. Щепки от стула встречались даже на диване.

Каждое движение приносило боль избитой Софье Петровне. Левая рука была, наверно, поломана – набухла и покраснела. Синее от удара лицо выражало безумие. Кожа под заплывшим левым глазом лопнула, запеклась кровью. Старушка была в разорванном халате, превращенном в грязные лохмотья. Липкая, потная Софья Петровна медленно таяла, превращаясь в живой труп. Каждую ночь она выла, как волк, боялась темноты, теней деревьев. Не понимая, утро на дворе или вечер, старушка ложилась спать. Просыпалась через тридцать минут и считала, что пришёл новый день. Звуки поездов служили ей часами. Софья Петровна почему-то думала, что поезда идут не каждые шесть минут, а раз в час. Чтобы не слышать шума поездов, она закрывала уши. В каждом сиротливом свистке локомотива слышались вскрики какой-то одинокой птицы. Старушка находилась в безвременье.

Одним из вечеров, когда стемнело и комнату наполнила прохлада, измотанная, постоянно вздрагивающая Софья Петровна увидела в углу человека. Перед ней стоял Евгений Васильевич. Без бороды, но старушка сразу его узнала. Мелкие черты лица выглядели непривычно. Понарина испугалась и хотела закричать, но Евгений Васильевич заговорил голосом покойного мужа.

– Не нужно волноваться! – сказал он. Сосед по даче стоял неподвижно, на нём был строгий костюм коричневого цвета.

– На тебе костюм моего покойного мужа, откуда он? – спросила Софья Петровна. – И почему ты говоришь его голосом?

– Это же я, неужели ты меня не узнала? – проговорил Евгений Васильевич. Мягкий голос, спокойные движения – это был Виктор Альбертович.

– Витюшенька! – обрадовалась Софья Петровна и хотела подняться с дивана, но Виктор Альбертович сказал:

– Ну что ты, лежи!

Он был, как всегда, тактичен.

– Как живёшь? – спросил Виктор Альбертович.

– Не хочу жаловаться...

– Знаю... знаю...

– Откуда? – не понимала старушка. От слов сочувствия она расплакалась, но быстро, как по приказу, успокоилась. – Одна я, Витюша. Совсем одна. Думала, уеду сюда – станет легче, а стало только хуже. Не приняла меня наша дача.

– Как же ты думала, бабуня?

– Не называй меня словом «бабуня»! Так говорит сосед по даче, живущий неподалёку! – занервничала Софья Петровна. – Ты знаешь, что они со мной сделали? Ученик Людды ворвался сюда среди ночи...

– А я ведь им говорил: «Сильно не орудуйте там! Надо всё вынести тихо!» Пацаны... ты их прости, бабунька. Заигрались...

– Ты знал, что они пойдут сюда, и не остановил?

Виктор Альбертович с лицом соседа ничего не ответил. Старушка запуталась. Она не понимала, кто стоит в углу, но разговор продолжила.

– Не хочет Люда дачу, не нужна она ей.

– Не осуждай её. В любом осуждении другого человека просматривается собственный эгоизм.

– А ты всё философствуешь?

– Да... – усмехнулся Виктор Альбертович с какой-то горечью в голосе, – стало очевидным одно: топчусь я со всеми вместе, как в лифте, застрявшем между этажами. Ни осмысления прожитого, ни лучика света я не почувствовал – всё для меня одно.

– А математика? Разве не для разгадки жизни ты занимался ей?

– Нет, бабуня, – с ещё большей скорбью произнёс Виктор Альбертович. – Я тешил самолюбие. Мной руководило тщеславие. Всё это было не от души. Кому нужна эта математика, эта дача? Возня... Дочка права: не нужен ни этот дряхлый домишко, ни участок с мёртвыми деревьями.

– Зачем же ты строил всё это?

– Придумывал себе занятия. Доказывал себе, что в жизни есть какая-то осмысленность. Ничего подобного. Не нужно искать смысл, где его нет.

– Что, человеческая жизнь бессмысленна?

– Ну да, – невозмутимо сказал Виктор Альбертович. – А как же... смысл человеческого существования слишком очевиден и лежит на поверхности. Всё пустое, бабуня, всё пустое...

– Не называй меня так, прошу! – заволновалась Софья Петровна. – Но что-то же не пустое?

– Духовная сила – единственное, что способно человека возвысить. Знаешь, о чём я жалею и о чём думаю сейчас, когда прожита жизнь?

– О чём?

– Не достиг духовных высот, а ведь мог бы, мог бы...

– Для чего? – спросила старушка.

– Чтобы воспринять тюрьму благом.

– Какую тюрьму?

– Куда я попал, нижнетагильскую... Я сопротивлялся ей, а надо было воспитывать в себе непоколебимость духа.

– Ты не сидел в тюрьме, Витюша!

– Ну ты даёшь, бабка! – засмеялся Виктор Альбертович. – ИК-13 – родная!

– Что ты говоришь?! – едва не закричала старушка.

– Ну как, улица Индустриальная, Нижний Тагил...

– Перестань! – воскликнула Софья Петровна, закрыв уши ладонями.

– Человек достигает духовных высот, чтобы воспринять в конечном счёте собственную смерть великим благом, равно, как и жизнь, – продолжал Виктор Альбертович, не замечая, что Софья Петровна не желает его слушать.

– Разве в том, что я одинока, стара и больна, прослеживается благодать? Может, в том, что меня недавно едва не убил один из учеников Люды?

– Ты лишена материальных благ, связь тебе недоступна, телевидение, радио, люди – ты свободна, разве это не здорово! Я не испытал и доли твоих мук, а жаль! Все эти тетради с решениями и формулами – только лишь пустые выводы очевидных вещей. Всё пустое, бабуня, всё пустое...

Виктор Альбертович вышел, не попрощавшись. Старуха вскрикнула и, опомнившись, увидела солнечный свет. Охваченная ужасом, она завывала, как зверь.

Долго не могла Люда решиться поехать к маме. Мешали несправедливые слова пожилого человека: «Теперь всё в твоих руках, доченька. Я больше не помеха...» Разве она выживала родную мать? Как Софья Петровна додумалась упрекнуть Людмилу? И в чём? Неужели родную дочь можно упрекнуть в плохом отношении? Вечно недовольная Софья Петровна сама постоянно обижала Люду, пыталась надавить на жалость. Хотя нежелание прощать было не главной проблемой. Дочь понимала, что придётся давать объяснения, куда пропала икона Богородицы.

– Неужели у тебя не болит душа? – беспокоился Алексей, заставляя Люду ехать на дачу.

– Болит, – оправдывалась Люда, – но что я скажу про икону? Ведь она спросит, обязательно спросит!

– Не бойся собственной матери! – успокаивал Лёша, проникновенно глядя своими тёмно-карими глазами на Люду. – Наберись мужества, уверенности – и поехали. Забудь про недопонимание. Пойми, ей нужна именно твоя помощь!

– Мама научилась хитрить, понимаешь! – не уступала Людмила. – Человек впал в безделье, апатию и нежелание элементарно подняться с места. Она найдёт сотни причин, чтобы сидеть на даче и убиваться по ушедшим дням!

– Жестоко оставлять маму! – настаивал Алексей, уверенно глядя на собеседницу.

– Её не оставили. У меня были дела...

– Это жестоко, Люда! Жес-то-ко! – горячился мужчина, начиная сердиться.

– А не жестоко ли спекулировать дочерними чувствами и выкраивать, выгладывать для себя преференции?

– Неужели ты считаешь, что оказаться на пустой даче, без элементарных удобств – это большое преимущество?

– Я не о том, – Люда вновь пыталась оправдаться. – Мама стала вести себя просто невыносимо.

– В чём она виновата? В том, что стара?

– Пусть займётся делом, и всё пройдёт!

– А ты не думала, что это «высокая болезнь»? Не задумывалась ли ты над глубиной страданий своей пожилой мамы? – привычно расхаживая по кухне, рассуждал Алексей. – Может, иссушающие страдания и ностальгия – единственное светлое пятно уставшей от жизни женщины, которая не может достучаться до сердца дочери. Ты как раз и хочешь для себя послабления, морально отделяясь от родного человека, снимая с себя всякую ответственность.

– Спасибо, Лёша! – намеревалась обидеться Люда, но осторожничала, будто чего-то боялась.

– Пожалуйста! – коротко отвлёкся от мысли Алексей. – К чему весь мой монолог: пойми, наконец, придёт время, и ты горько пожалеешь о своём близоруким отношении к матери. Беда в том, что уже ничего нельзя будет исправить! Часы не идут в обратную сторону...

– Ты о чём?

– О смерти, – человек словно ставил точку – говорил отрывисто, не переставая ходить по кухне. – Страшный груз ошибок будет с тобой, а родного человека уже не вернуть, подумай.

На миг Людмила осознала всё сказанное Алексеем. Она решила бы на поездку и без мучительных разговоров, без призывов к обдумыванию своих поступков, но Алексей был непреклонен: нужно ехать сейчас!

Всю дорогу мужчина угрюмо молчал. Люда видела его таким впервые. Подавленный, он не включал ни радио, ни музыку, а лишь сосредоточенно смотрел на дорогу, будто боясь врезаться, словно впервые вёл машину. Возможно, он представлял женщину, сидящую от него по правую руку на пассажирском сиденье совершенно другим человеком. Его иллюзии на счёт человечности были всегда непоколебимы: Алексей верил в доброту, но, видимо, это были всего-навсего иллюзии. Трудные и противоречивые мысли не давали покоя. Один неудобный и тяжёлый разговор с Людой сдул с неё прилипшую маску, заставил задуматься: как хорошо, что он не связал жизнь с этой безжалостной и злопамятной особой. Как здорово, что Понарина сама прекратила отношения между ними: рубанула с плеча, обиделась и ушла. Мужчину вдруг потянуло на откровения, и Алексей, прервав долгое молчание, заговорил:

- Твоя мама учитель литературы? Вроде так?
- Да, – отрывисто ответила Людмила. В её голосе чувствовалось напряжение.
- Должно быть, и ты читала Блока...
- Приходилось.
- Помнишь, у него есть цикл стихов «Маски».
- Смутно.
- «Мы ли – пляшущие тени? Или мы бросаем тень?»
- «Снов, обманов и видений»... – подхватила Люда, но забыла строки.
- ...«Догоревший полон день», – дочитал за неё Алексей.
- К чему это? – недоумевала Люда.
- К тому, что мы обманываем себя, – доктор укоризненно глянул на Понарину.
- Не других, а себя.
- Но ведь погоня за прошлым и есть самообман...
- Оставь погоню! – сорвался собеседник. – На неё не спишешь твоей (лично твоей!) нравственной глухоты.
- А я не знала, что ты совсем другой...
- Какой?
- Правильный...
- В чём же правильность?
- Рассуждаешь чопорно.
- Я тоже не знал, что ты не способна чувствовать боль другого человека, – тихо проговорил мужчина, овладевая разыгравшимися эмоциями. – Вообще, мне всегда казалось, что учитель должен быть нравственно безупречен...
- Да, я безнравственная пустышка! – крикнула Люда и отвернулась от Алексея, показывая, что не желает разговаривать с ним. Опять наступило долгое молчание.

Каждый думал о своём. Каждый по-своему оценивал сказанное. За окном потянулись узнаваемые перелески. На берёзах то там, то здесь были видны первые жёлтые пряди. Ещё немного, и наступит август, а значит, подкрадётся хмурая, вечно недовольная осень. Ночами чувствовался лёгкий, бодрящий холодок, утрами выпадали росы.

– Знаешь, – решил продолжить Алексей Сергеевич, – очень хорошо, что у нас с тобой ничего не вышло. Мы друг друга не поняли в тот осенний день, и это здорово! Я избавил себя от страшных мук...

– Каких ещё мук? – забыв про обиду, любопытствовала Понарина. Она повернулась к Алексею, заглядывая едва не в глаза.

– Ты думаешь, я не понял, кто ты на самом деле? Меня сразу насторожило твоё отношение к родной матери.

– Но ты продолжал со мной встречаться...

Машина свернула с трассы на неровную, всю в ямах, некогда асфальтированную дорогу. Метров через пятьсот показались дачи, среди которых, ближе к станции, виднелась самая высокая крыша знакомого домика. Сердце Люды стало биться сильнее, когда они подъехали. Распахнутая калитка, примятая трава у забора и открытая настежь дверь говорили о том, что на даче кто-то есть.

– Мамочка! Мама! – войдя в домик, крикнула Люда и буквально оторопела: старушка сидела на каком-то незнакомом диване, с которого сползла грязная насланная одежда или тряпки – издали не поймёшь. Волосы Софьи Петровны сбились в слипшийся ком. Исхудалое, болезненное, синее от побоев лицо с запёкшейся кровью под глазом не выражало никаких эмоций. Разорванный домашний халат, виднеющееся грязное нижнее бельё – вид Софьи Петровны напоминал образ литературного узника. В домике всё было разбросано, жутко воняло нечистотами.

Люда не знала, как реагировать на увиденное. Она обняла измученную маму и спросила:

– Воды?

– Что ты спрашиваешь? Её надо везти в больницу! – строго прикрикнул Алексей и начал торопливо набирать чей-то номер.

– Я везу пациента. В седьмую палату капельницу! Организуйте ванну и парентеральное питание, – уверенным голосом приказал Алексей, нервно расхаживая по комнате. На его лице было заметно негодование. Гребенников подошёл к Софье Петровне и начал разглядывать опухшую руку.

– У неё перелом, – сказал доктор.

– Что? – не поняла Людмила, повернувшись в сторону разбитого окна.

– Рука поломана, вот что! – вышел из себя Алексей. – Собирайтесь!

Решительный и злой, он покинул домик, не найдя себе места, ходил от деревца к деревцу, настолько не укладывалось все в голове.

Растерянная дочь то хваталась за ведро, стоявшее возле дивана, то принималась перебирать испорченные продукты. Софья Петровна молча поглядывала на всё происходящее вокруг. Старушка находилась в безмолвном полузабытьи и не поняла, что приехала дочь.

Сегодняшний день стал шоком для доктора Гребенникова. Даже выдавший многое на своём профессиональном поприще Алексей Сергеевич удивился поведению Люды. Встречались в его отделении случаи, когда родные не хотели забирать пожилых родителей из стационара. Пенсионеров находили на улицах огромного города в беспомощности и голодными, но этот конкретный случай просто поразил доктора. В Алексее что-то треснуло, на чём держался весь его хребет, надломилось нечто, помогающее держаться на ногах. Внутри бурлили жесткие слова, но он осознавал, что стыдить эту циничную женщину бесполезно.

На обратном пути в Москву Людмила и Алексей молчали. Софья Петровна смиренно сидела на заднем сиденье машины. Её глаза слезились. Правый глаз, не закрытый синяком, был красным, болезненным. Словно животное, вызволенное спасателями из беды, старуха ехала с полным безразличия видом.

– Ты не хочешь узнать у мамы, кто её так сильно избил? – спросил Алексей у Люды, сидевшей отвернувшись, немного полубоком к нему.

– Она не знает, – нехотя сказала женщина.

– У неё гематомы, рассечена кожа...

– Что я сделаю? – резко спросила Людмила. – Соседей нет, вряд ли кто-то что-то видел, а сама она молчит.

– Отрешённое состояние меня настораживает, – сказал Алексей, поглядывая в зеркало заднего вида. – Скорее всего, это начало развития психической патологии.

Не задавая лишних вопросов, Софью Петровну приняли в больнице. Сделав снимок руки, наложили гипс, поставили капельницы, собрались помыть. Поникшая Люда просидела несколько часов с матерью, а когда мать уснула, не говоря ни слова, незаметно ушла, чтобы не встретиться с Алексеем.

У доктора жутко разболелась голова. Подавленный, с безразличным взглядом, он поехал к себе домой, на улицу Юных Ленинцев. В Кузьминках Гребенников жил уже лет пять – в скромной пятиэтажке возле ресторана «Каравелла». Он купил квартиру на третьем этаже, когда узнал, что его бывшая жена Вероника вышла замуж и дочерям больше не нужна помощь отца.

Как-то Алексей получил сообщение в социальных сетях. Бывшая жена писала, что жизнь дочерей налаживается, они получили гражданство, выучили язык и учатся в Сент-Этьенском университете, живут отдельно от матери – в другом городе. Гребенников возмутился, почему сами дочери ему не пишут. На этот вопрос в Интернете пришёл короткий и холодный ответ: «Ну, возможно, они в тебе не нуждаются. Ты же не поехал с ними во Францию. Ты их предал...»

Алексей больше не высылал денег. Он не считал себя предателем. На что обиделись Лера и Маргарита? Наверное, Вероника беспрестанно объясняла девочкам, что папа их бросил, остался в далёкой и холодной Москве? Мысли о детях тревожили его, поэтому Алексей всё же решился написать. «Думаю, твоя мечта сбылась! – и, не выдержав, обрушился на женщину с критикой. Обида на Леру и Маргариту жгла его душу. – Наши с тобой дети не хотят признавать меня – их отца. Это парадокс! Нет, не парадокс – скорее патология. С чего бы они стали вести себя бессовестно по отношению ко мне? Только ты могла внушить им, что я предал их, оставшись в России!»

Дня через три Вероника ответила на редкость развёрнуто: «Ты поглупел! Мы с тобой развелись. Теперь ты удивляешься, почему дети стали чужими. Я мать, ближе к ним, но и со мной они почти не общаются. Здесь, во Франции, дети начинают жить самостоятельно раньше, чем в России. Наши девочки изменились. Мне доводилось разговаривать с Марго. Знаешь, Лёша, она в обиде не только на тебя, но и на меня. Наш развод, переезд не просто в другую страну, а в другую культуру и менталитет – всё наложило отпечаток на девочек. Они не стали жестокими или злыми, нет! Просто они выросли без нас. Мы не смогли с тобой договориться. Кого же теперь винить? Время отмотать нельзя... да и ни к чему!»

Вскоре доктор купил хрущёвку в Кузьминках, но не забыл о прежней жизни, вспоминая о взрослых дочерях. Гребенников нашёл женщину – работницу из своей больницы, которую пригласил жить в свою квартиру. Примерно через год они расписались без всяких церемоний. Одно лишь чудо могло спасти Алексея от душевных мук, от боли из-за забывчивости Леры и Маргариты. И вот в семью Гребенниковых пришло большое счастье: жена Алексея Сергеевича Маша забеременела, и через девять месяцев квартира на улице Юных Ленинцев наполнилась плачем младенца. У Алексея и Марии родился мальчик – Станислав.

11

Наступила осень. Незаметно промелькнули последние тёплые деньки бабьего лета. Сентябрь закружил багровой листвой, но зимы в Москве ждать ещё рано. В школе наступил новый учебный год. Людмиле Викторовне дали классное руководство, и с новыми делами да заботами она совсем забросила репетиторство. Да и опасалась она приводить в дом посторонних людей. В памяти были свежи воспоминания, связанные с кражей.

У Софьи Петровны продолжались проблемы со здоровьем. Пребывание на даче ухудшило её состояние. Она почти не разговаривала, замкнулась и вдобавок стала бредить. После выписки из больницы дочь нанимала психологов, но беседы и занятия не привели ни к чему, специалисты сошлись во мнении, что здесь не психологические проблемы, а психиатрические. Софья Петровна вскрикивала ночами, пугая Люду, и неслышно, будто тень, ходила из комнаты в комнату. Старушка стонала от боли в незажившей руке, во сне разговаривала с покойным мужем и издавала страшные звуки, похожие на рычание. Такие приступы случались всё чаще и сопровождали грустную, беспомощную и полную страданий старость.

Измотанная Людмила начала бояться наступления ночей. Однажды, настороженно прислушиваясь к каждому шороху, доносящемуся из спальни, женщина увидела в дверном проёме силуэт матери.

– Мама, что Вам нужно? – нервно спросила Люда, вскочив с постели, когда Софья Петровна близко подошла к ней и, приглядываясь, стала смотреть почти в упор. – Вы меня пугаете!

– Меня пытались изнасиловать, – проговорила старушка и, повернувшись, отправилась обратно в комнату.

Дочь не понимала, о чём говорит Софья Петровна, но неожиданно вспомнила разодранный халат, в котором была мать на даче.

– Кто издевался над Вами? – включив свет в комнате матери, спросила Люда у Софьи Петровны. – Нужно вспомнить!

– Твои ученики! – невнятно крикнула мама и швырнула свой смартфон о бетонную стену. Задняя крышка отлетела в сторону Люды.

– Что вы делаете?! Зачем разбили телефон? – возмутилась Людмила. Женщина заметила, как Софья Петровна на глазах начала меняться: пустой взгляд стал диким, лицо скривилось.

– Некому мне звонить! – старушка смотрела в никуда. – У отца телефон забрали!

– Какой телефон?

– Обычный!

Дочь не стала продолжать разговор. Она набрала номер полиции. Но там объяснили, что на такие вызовы не выезжают. Люда не легла спать – боялась, что Софья Петровна ещё что-то сотворит. Всю ночь она просидела с включенным светом, прислушиваясь к шорохам из комнаты. Ближе к утру в голову пришла идея вызвать «скорую помощь».

– У моей мамы психическое расстройство, – сказала Люда оператору, сонно и неохотно отвечающей на звонки.

– Как вы это поняли?

– У неё странное поведение: кинула телефон.

– Женщина, это ещё не повод говорить, что ваша мама больна! – строго ответили в трубке. – Может, вы поругались?

– Она бросается на меня, – обманула Люда, понимая, что «скорая» может не приехать.

– Что сейчас делает ваша мама? – попытался грубоватый женский голос.

– Уснула.

– Понятно, выезжаем!

Через пятнадцать минут в дверь позвонили. В квартиру вошли двое мужчин. Не разуваясь, они бесцеремонно осмотрели сонную Софью Петровну.

– Я не вижу особых расстройств, – заключил седой, коротко стриженный медработник. – Нужно показаться обычному психиатру.

– Мужчина, она пугает меня, набрасывается, разве этого мало? – тихо проговорила Люда, чтобы Софья Петровна не слышала. – Говорит, что её кто-то пытался изнасиловать. Она сама сломала себе руку, видите гипс?

– Ну, хорошо! – поднял руки врач, показывая, что сдаётся. – Мы её увезём на осмотр психиатра. Если он выпишет путёвку, то положат, а если нет – извините...

Софью Петровну молча уложили на носилки и, не объясняя, куда везут, стали выносить в подъезд.

– До свиданья, доченька! – тихо сказала мать. – Теперь тебе будет хорошо!

Дверь закрылась. Людмила заплакала навзрыд.

Срок лечения для Софьи Петровны назначили большой – от двух до четырёх месяцев.

«Пройдёт курс лечения, – думала Людмила, – вернётся, и что?.. Станет лучше – да, но...» Пугающих «но» было много. Врачи говорили, что расстройства такого рода опасности для окружающих несут не могут, тем не менее Люда тревожилась о возможных обострениях. Она вспоминала свою маму бодрой и представляла её теперь – лежащей на койке среди сумасшедших, в больнице с решётками на окнах.

Дочь считала, что расстройство у Софьи Петровны стало проявляться задолго до отъезда на дачу. Однотипные разговоры, постоянные думы о покойном муже – всё указывало на начало болезни. Самоуспокоение действовало: Люда перестала ругать себя за содеянное.

Видеться с матерью не разрешали – только скудные передачи, где ничего лишнего не предполагалось. Да и о чём говорить? В лучшем случае мама завела бы старую пластинку об отце, в худшем – просидела бы, как обычно, не сказав ни слова, отвернувшись от родной дочери.

А что если продать эту дачу, квартиры, огромные и полупустые, а на вырученные деньги купить две хороших квартиры где-нибудь в Филях? С мамой не придётся жить вместе и проведать будет нетрудно. Можно будет купить жильё в одном доме. Однокомнатную квартиру Софье Петровне и себе – тоже, тогда останутся деньги и на машину. Неужели на работу ездить на метро? Далеко и неудобно.

Не стала долго раздумывать Людмила. Приглянулась ей эта мысль. Была не была! Квартира родителей оценится дорого. Жильё в Наро-Фоминске, конечно, дешевле а за дачу и вовсе копейки не дадут. Вот только Софью Петровну придётся спросить: она хозяйка. А зачем больного человека тревожить? Неужели хороший, толковый юрист не поможет решить сложный вопрос? Первым делом нужно расстаться с подмосковной хрущёвкой. Обращаться в компанию по продаже жилья Людмиле не хотелось. Женщина перестала доверять посторонним людям. Можно было вновь позвонить Алексею, но Людмиле хватило его занудства. Да, у него есть связи, всё так, только стоило столкнуться с трудностью, как в разговорах проявилась слабая правильность. «Безнравственно», «жестоко» – философ, шёл бы в попы!

Для продажи квартиры и дачи родителей потребовалось опекуновство на Софью Петровну. Быть опекуном Людмила не хотела: слишком много бюрократии. Конечно, от документально оформленного попечительства много плюсов. Появилась бы возможность не спрашивать разрешения на продажу имущества, и ещё Люда имела бы право распоряжаться пенсией матери.

Подумав, Понарина решила вплотную заняться оформлением документов на попечение. Выбрав день, после работы она отправилась в управление по социальной защите.

– Хотите, дам вам совет, – заговорила немолодая женщина, занимавшаяся перебиранием груды мятых бумаг. Документы лежали настолько небрежно, что казалось, их готовили в макулатуру. – Не оформляйте опекуновства, лучше подумайте об интернате.

– Почему? – недоумевала Людмила.

Социальная работница отстранилась от бумаг и устало посмотрела на Люду. Старомодный костюмчик с ужасного вида пояском, болтающимся на талии, – фасон казался диким приветом из далёкого прошлого. Грязно-серый цвет жакета и широкие брюки со стрелой вызвали у Людмилы едва ли не улыбку.

– Почему вы так решили? – переспросила Людмила, оглядывая собеседницу с головы до ног.

– Меньше волокиты, – доверительно заговорила соцработница, – и потом, пенсия вашей родственницы не будет стоить моральных затрат.

– Правда?

– Конечно! Я свою свекровь сдала и бед не знаю. Приезжаю раз в месяц, везу с собой яблочек, апельсинчиков. «Кушайте, Настасья Павловна!» – говорю. Они там песни поют, книжки читают – красота!

– Не жалуется?

– А что жаловаться-то, господи! Кормёжка хорошая, телевизор, общение, интересы...

Разговорчивая женщина забыла о своих бумагах. Она так вдохновенно описывала жизнь в интернате для хронических психоневротиков, что Люда готова была прямо сейчас начать сбор документов.

– Есть один минус, – подытожила соцработница, – пенсия отходит государству.

– Ничего страшного, – твёрдо ответила Понарина. – Я согласна на всё, потому что не могу жить с психически нездоровым человеком.

– Да, кстати, это учреждение не просто интернат для престарелых психов, вы же понимаете, – лукаво подмигнула женщина.

– Понимаю...

– Вот и хорошо, – на выдохе проговорила дама в ужасном костюме, который, видимо, нашёлся недавно на свекровкином чердаке. – А то начинают на уши давить: «Там психи лежат!» Ну и что, зато они под присмотром. Я же не виновата, что пациентов набрать туда не могу!

– Мало людей в интернате?

– У нас полгорода потенциально больных, – парировала дамочка, – отправляем только тех, у кого пенсия. Говорю честно! Дотации на больных мизерные...

– Скажите, много туда справок нужно? – любопытствовала Люда.

– Ой, – отмахнулась собеседница, – ерунда! Пока вы здесь, пишите заявление. У нас недобор в интернат, возьмут запросто. Пока ваша родственница в психиатричке, соберём анализы, проведём комиссионный осмотр – и вперёд!

– Так просто? – с глупым видом смотрела Понарина.

– Ну да! Только не болтайте, – соцработница перешла на шёпот.

– Хорошо! – оглядываясь по сторонам, Людмила тоже умерила громкость голоса.

– И ещё, для ускорения процесса не мешало бы это... – дамочка показала жест, означающий доплату за скорость.

– Сколько?

– Ерунда, сто тысяч...

– Сто? – без удивления спросила Людмила.

– Зато ваша родственница выйдет из психушки подлеченной и сразу поедет в интернат. Там все условия: квалифицированный персонал, реабилитация, диета и танцы по субботам.

– Я сама туда хочу! – засмеялась Люда.

– Не проблема! – ответила шуткой женщина в грязно-сером костюмчике.

– Я шучу!

– Могу и для вас местечко застолбить...

Быстро написав заявление, Людмила условилась о месте встречи и пошла, едва не напевая. «Давно не было у меня такого классного настроения!» – шагая по улице к станции метро, думала Люда. Под ногами шелестела облетевшая листва. Едва слышно, без грохота, слегка перестукивая колёсами, к остановке подъехал трамвай. Округлая «Татра», покрашенная в желто-белый цвет, остановилась рядом с Людой. Вагон будто приглашал вечерних пассажиров занять удобные места. Салон был освещён приятным желтоватым светом. Замечтавшаяся Людмила едва не толкнула старушку, которая стояла на полупустой остановке. Понарина убрала руку в сторону. Старушка так походила на Софью Петровну. Такая же худая, с потухшим взглядом, она казалась беззащитной и хрупкой. Тут же забыв увиденное, Люда уверенно зашагала к станции метро. По сумеречной улице промчался трамвай, поднимая за собой подсохшую листву. Людмила вспомнила, как мать любила поглядывать на желтые коробочки-

вагоны московских трамваев, как прислушивалась к звонкам. Сидя на кухне осенними вечерами, Софья Петровна частенько читала на память строки из Заболоцкого:

Обрываются речи влюблённых,
Улетает последний скворец.
Целый день осыпаются с клёнов
Силуэты багровых сердец...

12

В октябре зарядили дожди. Нудные, с ветром, они переставали лишь ненадолго и снова лили и лили... Изредка выглядывало солнце, будто посмотреть, всё ли нормально на земле, и снова пряталось, надёжно укрывшись холодными осенними тучами.

Лет сорок пять назад Софья Петровна приглядывала за дочкой, играющей в песочнице. Выходили они на детскую площадку. Пока мать отвлекалась на разговоры с другими мамочками, Люда облизывала лопатку, отбирала у других деток мяч и даже дралась. Соседи с недоумением уводили своих детей подальше от Понариных. Люди не хотели выяснять отношения с Софьей Петровной, которая делала лишь короткие замечания своей недружелюбной дочери: «Людочка, нельзя же так! У деток не отбирают игрушки и не дерутся!»

Не хотела Людмила теперь вспоминать ни детство, ни давние события. «Хватит!» – останавливала она себя. Любые сентиментальные раздумья о маме Людмила научилась отгонять от себя как нечто незначительное, жалкое и постыдное. Казалось, будто вовсе и не сама Людмила переключала своё внимание, а жизнь, бойкая и торопливая, сменяя быстротекущие будни, отвлекала от тяжёлых дум, как говорливый ручей неподалёку от дачи стремительно уносил в недоступную даль шумные воды.

Вот уже несколько недель Софья Петровна находилась в интернате. Знакомство с тоскливым и невзрачным на вид учреждением оказалось коротким. Для Люды остались незамеченными зарешеченные окна и пропускной режим. Она зашла с мамой в приёмный покой. Скуластое лицо Софьи Петровны стало настолько худым, что через жёлто-прозрачную кожу просвечивали сосуды, появились бурые старческие пятна. Мать пожевывала ввалившимся ртом и смотрела по сторонам, как ребёнок.

«Как она постарела!» – подумала Людмила.

Маму приняли в холодных стенах интерната, а Люда буквально побежала прочь, не оглядываясь. На зелёных воротах виднелась надпись «Выхода нет». Слева стояло небольшое здание из кирпича, который называли просто «вахтой», хотя какая может быть вахта, если строгий охранник тщательно проверял содержимое каждого пакета. На заборе учреждения находилась колючая проволока, словно не больные и старые люди лежали в этом похожем на тюрьму интернате, а бандитская свора.

Людмила понимала, что ехать к маме нужно, хочешь или нет. На душе было неуютно. Понарина как могла старалась оттянуть встречу, уходя с головой в работу. Как-то вечером Люда не стала включать надоевший телевизор с бесконечно повторяющимися новостями. Проснулись беспокойные мысли. Женщина прошлась

по квартире. Каждый предмет напоминал о Софье Петровне. Вот на кухне стоит герань. Мама любит этот цветок с непередаваемым запахом, возникающим, едва коснёшься его листиков или стебелька. А вот её комната.

В памяти всплыл давний разговор с матерью. Люда училась тогда в институте и спросила у мамы разрешения, чтобы сдать одну из комнат знакомой студентке. Девушка была порядочной и чистоплотной, приехала учиться из Новосибирска, жить в общежитии не хотела.

– Ледок, это невозможно! – возмущалась Софья Петровна. – Она тебе даже не подруга. Впустить постороннего человека в дом – всё равно, что сделать его членом нашей семьи.

– Быть членом нашей семьи – большая честь для людей?

– А как же! – внимательно смотрела на дочь обеспокоенная Софья Петровна. – Мы должны знать, кто будет жить рядом с нами. Нет, даже не рядом – в семье!

– Ну, хорошо, – отступила Людмила, – а если в доме появится мой будущий муж?

– Какой муж? – озадаченно смотрела Софья Петровна.

– Я выйду замуж, у меня будет семья...

– Люда, ты должна выучиться, а уже потом думать о замужестве!

– Но замужество когда-нибудь случится. Я приведу в дом постороннего человека, которого, хотите или нет, придётся принять.

– Дорогая моя! – раздражалась мама. – Мужчина должен вести свою избранницу, а не наоборот.

– Я говорю не про совместное проживание. Просто муж – это уже член семьи.

– Ваша пара – это отдельная семья, не путай! – продолжала держать оборону нервная Софья Петровна.

– Муж – член семьи!

– Нет, Ледок, родственник, и не самый близкий ко всему.

– По вашему суждению получается, что наш папа для ваших родителей был посторонним? – наступала Люда.

– Наш папа внушал доверие, он был образован.

– То есть я приведу необразованного человека, – с обидой говорила Людмила, – это известно заранее?

– Да нет же! Ты не так понимаешь...

– Я правильно понимаю! – переходила на резкость разгорячённая дочь. – Вы не будете любить моего мужа и моих детей, они для вас будут чужаками! Недостаточно породисты, да? Мама, вы меня простите за такое сравнение, но в вас живёт Кабаниха. «Ломаться-то нечего! Должен исполнять, что мать говорит»...

– Ледок! Как ты смеешь делать такие сравнения?

– Почитайте классику, которой вы меня пичкали всё детство и юность, – не успокаивалась дочь. – Что, ваше оружие – книги – повернулось против вас?

– Какое безобразие, – сказала мать и поспешила уйти от мучительного разговора.

Всё-таки решившись, дочь отправилась в интернат. Учреждение находилось на окраине города, среди леса на отшибе, где-то за кольцевой.

С утра стояла солнечная погода. Лёгкий заморозок сменился теплом, но вскорее с северо-запада потянулись серые облака. Ближе к вечеру стал накрапывать

мелкий дождь. Громадины-небоскрёбы московского делового центра немного сгорбились под низкими тучами. Добравшись на автобусе до безлюдной остановки с мрачным названием «Медрота», Люда пошла по давно не асфальтированной дороге через лес. Вдали виднелся пропускной пункт интерната. Гнетущая тишина и отдалённый шум Москвы заставляли поскорее дойти до знакомого здания из белого кирпича.

– Сегодня приёма нет, – заговорил высоченный парень лет двадцати восьми – тридцати, толстый и неуклюжий, дежуривший на вахте. Недобрым взглядом с подозрительным прищуром внимательно, по-милицейски, окинул собеседницу.

– То есть как нет приёма? – не поняла Люда, предъявляя документы.

– В смысле нет посещений.

– Где написано, что именно сегодня нельзя посещать родных?

– Должна назначаться дата следующего посещения, – невозмутимо объяснил детина.

– Какие глупости! – возмутилась Люда, глядя на спокойного мужчину. – Что за идиотские порядки?

– Так положено, – как по уставу доложил вахтёр, всё так же придиричиво глядя на женщину.

– Это что – тюрьма?

Ничего не ответив, мужчина пропустил раздражённую Людмилу. То ли от нежелания спорить, то ли от настойчивости посетителя он распахнул металлическую дверь, и Люда оказалась на территории интерната. Дорога петляла между корпусами учреждения. Вдоль дороги росли молодые ели, закрывая собой неухоженные, замусоренные и пожухлые газоны, убогие, облупившиеся фасады зданий.

Людмила ощущала, будто идёт не к маме, а на свидание к дальнему родственнику, с которым виделись несколько раз в жизни. Интернат контрастировал с Москвой, с её богатством и избыточностью. Где-то за лесом кипела совсем другая жизнь, непохожая на замедленное, вялое существование среди серости и скудости интерната.

Отыскав второй корпус, Люда открыла хлипкую деревянную дверь. Небольшой коридор заканчивался огороженной пластиком стойкой.

– Извините, есть кто живой? – громко проговорила Людмила. – Ау-у-у!

– Что вы кричите? – выглянув из служебной комнаты, спросила полная женщина.

– Мне маму навестить! – теряясь, сказала Людмила.

– Звонок для кого?! – недобро проговорила широколицая служительница. Нажав кнопку звонка, она показала неразумной посетительнице, что в интернате есть цивилизация – имеется вызов персонала.

– Мне навестить маму, – повторила Люда.

– У нас нет посещений сегодня! – строго ответила работница интерната, принимаясь записывать что-то в журнал с пожелтевшими страницами.

– Разве я зря добиралась сюда?

– Мне-то что, идите обратно! Кто вас пустил на территорию?

– На пункте пропуска... парень...

– По шее получит парень! – ругалась женщина.

– С кем я могу переговорить? – не отступала Людмила.

– Не с кем тут говорить! – широколицая начала гневаться.

– Послушайте, мне нужно поговорить хоть с кем, кроме вас! Если вы сидите здесь, это ещё не говорит о том, что вы можете грубить и распоряжаться, кого впускать, а кого нельзя! – закричала Люда, теряя самообладание. – Мне нужен дежурный врач!

– У нас распорядок, – смягчилась женщина.

– Вы странно рассуждаете, дамочка, – высунувшись из комнаты, вступилась вторая немолодая особа в грязном белом халате. Долго слушая недобрый разговор, она не вытерпела и взорвалась. – У нас, между прочим, особый объект! Мы вправе вас не допускать, понимаете?!

– Не понимаю! – огрызалась, не отступала Люда. – Я имею право говорить с доктором!

– Устав на что, вернее, распорядок?! – не успокаивалась помощница широколицей.

– Не говорите о вашем распорядке! Он написан для вас, а мне позовите врача!

Люда почувствовала в себе упрямство и требовательность с виду мягкого и деликатного Виктора Альбертовича. Женщине стало не по себе, будто именно отец давал силы отстаивать своё мнение, добиваться цели.

Раздраженная вахтёрша позвонила по телефону.

Через минуту подошёл мужчина лет пятидесяти пяти в аккуратном, накрахмаленном белом халате, надетом на строгий серый костюм с галстуком под цвет пиджака.

– Что случилось? – спросил врач.

– Хотят говорить с вами, Валерий Евгеньевич, – ответила хозяйка вахты, небрежно показывая пальцем в сторону Людмилы. – Мы ей сообщили, что день неприёмный, а она скандал устроила.

– Нехорошо, – строго отозвался доктор. – Пойдёмте.

– Я хотела...

– Закрыли тему! – оборвал доктор, шагая по обшарпанному полу коридора. Стены были наполовину побелены, наполовину покрашены грязно-жёлтой краской. На полу лежал изодранный линолеум. В дверных проёмах виднелись силуэты сомнамбул, бесцельно блуждающих по интернату. Ни комнатных растений, ни книг не было. Никаких напоминаний о домашнем уюте. Люда не увидела даже телевизора. На стенах виднелись радиоточки, оставшиеся с давних времён. Гнетущая обстановка, сумрачные комнаты, жильцы-тени. Всё это давило на Людмилу, попавшую сюда совсем из другого мира – торопливого и современного, наверняка казавшегося недостижимым для обитателей скорбного дома.

– Мне нужно повидать родного человека, – присаживаясь на стул, проговорила Понарина.

– Ваша родственница из новеньких?

– Она здесь живёт несколько недель, – сказала Люда. – Можно к ней?

– Можно, раз вы едва ли не умоляете, – ответил врач Валерий Евгеньевич.

Поднявшись и выйдя из-за стола, он пригласил следовать за ним. Люда заметила тихого старика, шаркающего по коридору и постоянно кланявшегося непонятно кому. Старик повернулся в сторону Люды. Его глаза внушали страх: они были безумны. Он наклонял голову, смотрел с нездоровой весёлостью и облизывался. От человека пахло мочой и немытым телом. Только сейчас Людмила поняла, каким

затхлым запахом пропитан здешний воздух, почувствовала дух безысходности и испепеляющей боли души.

– Стойте! – вскрикнула Люда, обращаясь к идущему впереди врачу.

– Что произошло? – остановился доктор. Вместе с ним остановились все призраки, тихо передвигавшиеся по отделению, скорбно склонив головы.

– Я не готова, – Люда проговорила едва слышно. – Вы простите меня, я не готова увидеть маму...

– Вы устроили скандал, вызвали меня, отвлекли от работы, и всё ради одного – чтобы сказать, что вы не готовы поговорить с мамой?

– Простите...

Торопливо шагая к выходу, Людмила поняла, что заблудилась. Её переполнил ужас. Всюду бродили никому не нужные, больные старики. Повернув налево, Понарина увидела знакомую широколицую женщину, которая показалась такой же ненормальной, как и обитатели интерната.

– Выпустите меня отсюда! – крикнула Люда, забыв о недавнем инциденте.

– Гляди, странная какая, – ехидно сказала помощница вахтёрши, – нагостилась...

Люда шла по территории поспешно, стараясь не оглядываться. Ей хотелось быстрее попасть домой, помыться, чтобы хоть немного избавиться от запаха интерната – от духа старости и беды, одиночества и смерти. Вновь она заприметила табличку на воротах – «Выхода нет».

Какое издевательство – такая надпись! Пластиковую табличку захотелось сорвать.

За воротами интерната действительно текла другая жизнь. Немного звонче и чище были голоса птиц, от ветра клонились деревья, но свободнее казались движения ветвей, последние листья летели вдаль, унося образ тихой, капризной, вечно всем недовольной мамы...

Люда ускорила шаг. Вспомнились пожелтевшие и растрёпанные папины тетради, лежащие на сыром полу в дачном домике. В разлохмаченных тетрадях осталась иллюзия жизни, выдуманной и такой далёкой от реальных проблем, иллюзия жизни одной семьи...

13

В один из осенних дней позвонили из полиции, и уже знакомым, немного грудным голосом Людмиле сказала девушка-капитан:

– Вы можете подъехать в сто двадцать седьмое отделение полиции на Доватора, два?

– В чём дело? – спросила Люда.

Она подошла к окну на кухне. На улице пролетал первый мокрый снег. Понарина посмотрела на слякоть и торопливо отвернулась от окна.

– Вопрос касается вашего заявления.

В такую погоду не хотелось выходить из дома. Пересилив себя, Людмила согласилась приехать в отделение.

Полусонный лейтенантик в дежурной части лениво повернулся в сторону Люды. Едва слышно произнёс:

– Вы к кому?

– Меня вызвали.

– Кто?

– Девушка, – нервничала Понарина, повышая голос.

– У нас девушки никого не вызывают! – попытался съязвить полусонный человек. Его лицо выражало какую-то нечеловеческую усталость и апатию. Даже язвил он неохотно. – Это к нам обычно привозят девушек... по вызову.

Люда узнала в полицейском того самого лейтенанта, который допытывался о краже в первый её приход. Он поглядывал на Понарину своими пустыми, как прежде, глазами.

Разговаривать ему не хотелось, смотреть в монитор компьютера – тоже, он поехал бы сейчас домой, купив перед этим в супермаркете парочку бутылок пива. Лёг бы на диван, включил любимый телеканал с плоским и однообразным юмором, где половина шуток – ниже пояса. Лейтенантик тяжело вздохнул и набрал какой-то номер. Через минуту клацнул электрический засов, и к Людмиле вышла знакомая девушка лет тридцати.

В кабинете подполковника на одном из стульев у стены стояла найденная икона. Люда её сразу узнала: знакомая золотая рамка, грустные глаза Богородицы.

– Случай интересный, – сказал подполковник, обращаясь к Понариной, – нашлась ваша икона случайно: сгорела дача с какими-то алкоголиками...

В голове Люды промелькнула мысль: «Неужели отцовский домик?»

– Хозяева дачи нанимали знакомого, он жил у них, копал участок. Видимо, напился с приятелями, в общем, спалил постройку, себя и друзей, – подумав, лысоватый подполковник брезгливо и надменно добавил, – алкашня драная!

После заполнения кучи бумаг, внесения оплаты через банк, получения квитанций и массы других ненужных процедур семейная реликвия Понариных была возвращена хозяйке.

Хоть и вернулась икона домой, но легче Людмиле не стало: женщина поглядывала в сторону старинной вещицы, а на душе висел тяжёлый камень. Не украли бы икону, может, и маму не пришлось бы везти на злополучную дачу, не тронулась бы Софья Петровна умом. Сколько частиц «не» мешало изменить судьбу старой учительницы! Сколько бед принесла икона!

Люда долго думала, как ей поступить с иконой, куда её деть. Казалось, Богородица с младенцем смотрит на неё осуждающе. Через три дня сама собой пришла мысль передать реликвию скромной церквушке на Качаловском кладбище. В Северном Бутово был похоронен Виктор Альбертович. Уходя из церкви, Людмила непроизвольно перекрестилась, неловко сжав три пальца в щепоть. Попрошалась Понарина и со святыней, и со своей прошлой несуразной жизнью, зашла на могилу отца, где не была уже много лет, молча постояла, а потом побрела к выходу, устало вороша ногами мёртвую осеннюю листву.

– Я привёз немного продуктов, – сказал человек, не желая проходить в квартиру. В полных силы, ухоженных руках мужчина держал большой пакет с колбасой, зеленью, фруктами и печеньем.

– Прощу! – добавил мужчина, протягивая продукты. Перед Людой стоял всё тот же властный Алексей Сергеевич. Будто между ними и не было неприятных разговоров, Гребенников появился в дверях. Увидев его, Люда почему-то даже не удивилась. Женщина готовилась лечь спать, когда в дверь позвонили. Накинув

домашний халат, она стояла запахнувшись, зябко ёжась от прохлады, идущей из подъезда.

– Зачем всё это? Я, кажется, просила не приезжать с фруктами! – грубо проговорила Люда, недовольно глядя на Гребенникова. – Нашей семье ничего не нужно!

– Где Софья Петровна, она дома? – отрывисто спросил Алексей.

– Нет, – сконфузившись, ответила Люда. – Её нет дома...

– Где она? – Гребенников был настойчив.

– В интернате...

Алексей хотел уйти, но Людмила схватила его за шарф, висевший галстуком на груди поверх длинного пальто.

– Постой! Я хотела на днях туда попасть, но...

– Что?

– Меня к ней не пустили, – говорила женщина, отводя взгляд. – Лёша, я боюсь туда идти одна.

– Как она там оказалась? – видя, что Люда пытается оправдать себя, спросил Гребенников. Его заинтересовала судьба Софьи Петровны.

– Мне сказали, что в интернате все условия...

Людмила заплакала. Теперь она понимала, что Алексей никогда не простит её поступок.

– Лёша, стой! – Люда бросилась босиком на лестницу. – Я ничего не знала! Прости!

– Не у меня нужно просить прощения, Людочка, не у меня...

Он отдёргнул шарф от женщины и молча, опустив голову, оставил знакомый подъезд. Гребенников положил пакет с продуктами на заднее сиденье своего старенького «Вольво».

14

Валерия Евгеньевича Сальникова, специалиста по нарушениям психики, Алексей знал давно. Они учились когда-то вместе, в одном институте. После окончания учёбы Сальников изучал психиатрию, пытался найти неизвестные закономерности. С годами, долго работая с пациентами, Валерий перестал интересоваться научными изысканиями, говорил, что человеческий мозг до скукоты сложен. Алексей и Валерий тесно общались, но близкой дружбы у них не завязалось.

Гребенников позвонил своему приятелю, который был на сутках. Алексей поехал прямо в интернат на семьдесят девятый километр Московской кольцевой, который назывался почему-то «Медрота» и располагался недалеко от посёлка Мосрентген. Оглушённый новостью о судьбе Софьи Петровны, Гребенников ехал, не помня дороги, почти наугад. Интернат встретил недружелюбным вниманием человека в форме охранника. Мужчина курил у помещения вахты возле ворот.

– Сергеич, а что это вы всё приходите к бабушке в неурочное время? – спросил Валерий Евгеньевич, провожая гостя в свой кабинет. – Дочка была недавно, повёл её в комнату к матери, а она даже не стала заходить – удрала.

– Как удрала? – не понимая, спросил Алексей, присаживаясь на стул.

– Ногами.

– Да-а! – тяжело выдохнул Гребенников, понимая, что Люда соврала.

– Ты знаешь, у нас есть координаты дочери этой старухи. Хотел уже звонить, – внимательно глядя на Алексея, сказал Сальников, – дело в том, что бабка долго не протянет.

– Так всё плохо?

– У нас много тех, кого кинули родные. Причины оставления родителей без внимания разные, но в ситуации с Понариной мне непонятна позиция дочери...

– Мне тоже...

– Кем тебе приходится старуха? – допытывался Валерий Евгеньевич.

– Никем, – ответил Алексей Сергеевич, разглядывая кабинет.

Комната с зеленоватыми, старомодными обоями напоминала казёнщину советской районной гостиницы. В углу у входа стоял небольшой холодильник. Ближе к дверце холодильника был придвинут слегка провалившийся диван, обитый уже порядком протёртым грязно-красным материалом. На другой стороне комнаты стоял шкаф, забитый разными учебниками, справочниками и документами. Из всей мебели более свежим выглядел письменный стол, на котором аккуратно лежало несколько бумаг. Ни цветов, ни аквариума с рыбками, ни штор, ни жалюзи в кабинете не было – холодное и неудобное помещение.

– Странно... как всё странно! – поднялся со стула доктор Сальников и подошёл к тёмному окну. – Дочери бабка не нужна, зато ты... на ночь глядя приехал... Чёрт знает что!

– Скажешь, крыша поехала? – усмехнулся Гребенников, поглядывая на мозгоправа.

– Не знаю, родная доченька убегает от мамы, как от чумы. Сейчас самое время проститься с человеком, а её нет.

Алексей покачал головой и уверенно пошел к Софье Петровне.

– Может, не стоит, Сергеич? Не ты должен быть с ней, а дочь...

– Глянуть на неё хочу...

Комната старушки была пустой. Краска на стенах местами полопалась и облезла. На деревянной кровати лежала Софья Петровна. Постель под ней – измятая и несвежая. Старушка лежала в застиранном, выцветшем интернатовском халате. Наполовину открытые глаза были безжизненно мутны. Из правого глаза скатилась на подушку скупая слеза. Алексей присел на поставленный товарищем стул. Сердце Гребенникова сжалось от боли, захотелось дать слабину чувствам и заплакать, но он сдержался.

– Может, померить давление? – спросил Алексей, взяв холодную, худую руку старушки. – Пульс слабый, едва улавливаю.

– Доходит, – сказал Валерий Евгеньевич, – давление очень низкое.

Помолчав, добавил:

– Ну, если что нужно, зови! Я буду у себя.

Впервые за долгую жизнь Алексей почувствовал смерть родного человека, словно перед ним на грязных казённых простынях умирала вовсе не чужая, оставленная близкими старуха, а его собственная мама. Уход своей матери он перенёс давно – ещё в юности. Умерла она от тяжелого заболевания крови. Воспитывал Алексея отец, который не смог дать той нежности и ласки, какую могла дать мама. С годами та смерть перестала ощущаться остро, но история с Софьей Петровной всколыхнула сердце мужчины. Точно такая же слезинка одиноко упала на подушку, когда уходила его мама.

– Простите Люду, – произнёс вслух Гребенников, надеясь, что старушка его услышит.

Взяв её почти безжизненную руку, Алексей почувствовал лёгкое, едва заметное движение. Софья Петровна ответила ему, она отреагировала на имя дочери. Из полуоткрытого глаза вновь скатилась слеза.

Оставив Софью Петровну, Гребенников зашёл в кабинет к Сальникову.

– Надо бы сообщить дочери, – без сил, едва слышно проговорил Алексей.

Неожиданно зазвонил телефон. Вахтёрша что-то возбуждённо объясняла. После долгого молчания доктор ответил:

– Пропустите, – Валерий Евгеньевич положил трубку. – Ну вот, легка на помине.

Алексей не хотел встречаться с Людой. Он знал, что женщина зайдёт в кабинет к доктору, и поспешил уйти. Гребенников шёл к выходу. Навстречу бежала Людмила, встревоженная и испуганная.

– Лёша! – воскликнула Люда, увидев Гребенникова. – Проводи меня!

– Обратись к врачу, он проводит, – нехотя проговорил Алексей и даже не стал останавливаться.

Людмила немного опоздала: из комнаты, где жила Софья Петровна, кто-то взволнованно крикнул:

– Валерий Евгеньевич, бабушка умерла!

Этот голос санитарки Людмила Викторовна Понарина будет помнить до окончания своих дней.

Филонов Кирилл Николаевич родился в 1987 году в городе Петропавловске. Окончил Омский государственный университет путей сообщения. Публиковался в литературно-художественных журналах «Провинция» (Петропавловск), «Врата Сибири» (Тюмень), «Родничок» (Курган), «Простор» (Алматы), литературном альманахе «Отражение» (Петропавловск), а также в коллективных сборниках поэзии «Созвучие», «Я хочу говорить с тобой...», «Городские мечты». Автор книг прозы «Близкие люди» (2018), «Что запомнилось» (2019). Семь лет возглавляет Северо-Казахстанское областное литературное объединение им. М. Аверина. Член Союза журналистов РК. Дипломант литературного конкурса «Мир и Отечество» (Курган, 2020).

